

84(2=411.2)6
к
к27

БОРИС КАРТАШОВ

*Менеро облака
между нами*

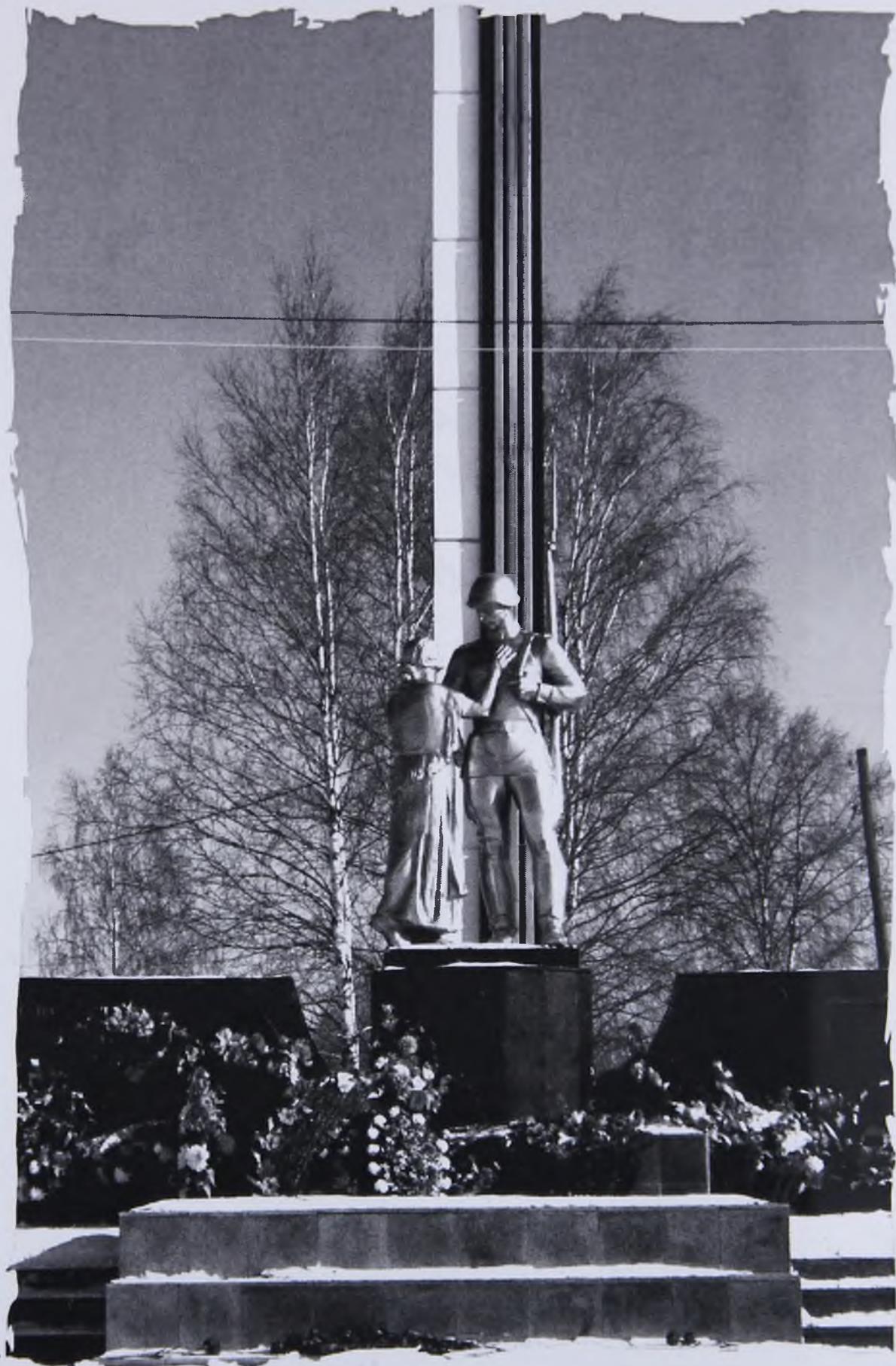

Москва, 2014 г.

16+

***Посвящается русскому солдату Борису Бытову
из города Петухово, Курганской области,
отдавшему жизнь за целостность нашей Родины
при наведении конституционного порядка
в Чеченской республике***

Борис Карташов

Менерь облака
между нами

Рассказы,
очерки,
миниматюры

-0176050-

Авторская книга
Москва, 2014 г.

Государственная
библиотека
Югры

КО

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)
К27

Автор выражает глубокую признательность вице-президенту группы Уральско-Сибирских строительных компаний Юрию Юрьевичу Лихушину за оказанную материальную помощь в издании этой книги.

К27 Карташов Б.
ТЕПЕРЬ ОБЛАКА МЕЖДУ НАМИ. Рассказы,
очерки, миниатюры / Борис Карташов. – М.:
Авторская книга, 2014. – 160 с.: ил.

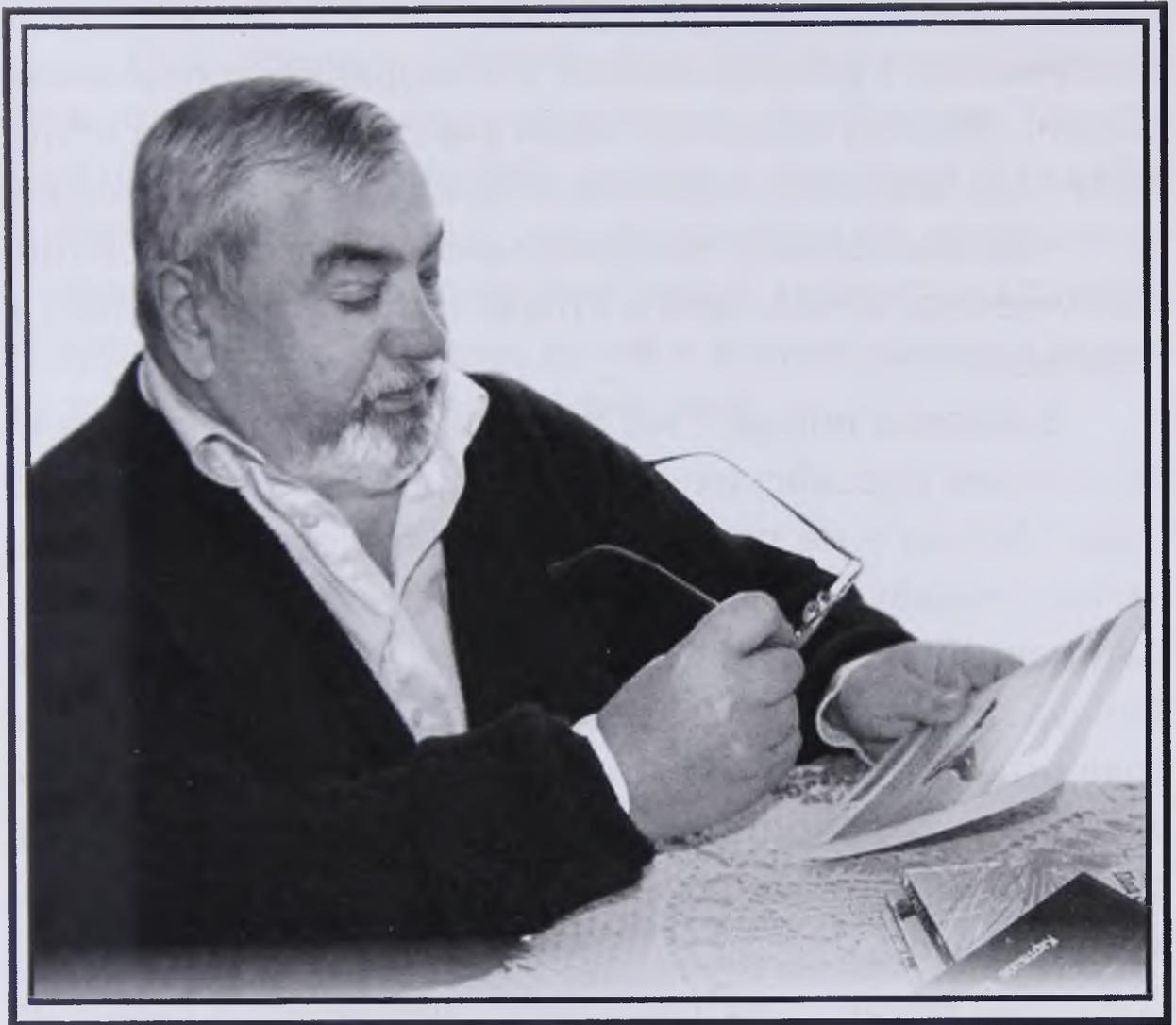
ISBN 978-5-91945-590-5

Ⓜ16+ В соответствии с ФЗ 436.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-91945-590-5

© Карташов Б., 2014

К ЧИТАТЕЛЮ

Противоречивые чувства вызвала у меня новая книга «ТЕПЕРЬ ОБЛАКА МЕЖДУ НАМИ» Бориса Карташова. Но только при первом прочтении. Взялась перечитать еще раз и поняла, в чем причина: это книга не о героических подвигах, а о людях, так или иначе соприкоснувшихся с ратным делом, его моралью и реалиями жизни. Разница огромная, если учесть, что подвиг – это, по сути, мгновение, вспышка. А время до и после подвига – каждодневное, изнурительное солдатское бытие, наполненное отчаянием и страхом, мечтой выспаться и наесться.

Взрослая война – не войнушка, в которую играли поколения российских детей, родившиеся после 45-го года. Армия – не парад на Красной площади с каменными лицами марширующих в новенькой форме солдатиков. Ну а тыл, живущий одним заклинанием: «Все для фронта! Все для Победы!», - тыл вообще не с чем сравнить, потому что правду о нем знали только сами участники трудового фронта. Тем ценнее свидетельства очевидцев, которые успел при их жизни собрать и сохранить автор.

Его герои – не киношные красавцы, а простые, обычные люди с присущими им слабостями и недостатками, скромные и задиристые, отчаянные и рассудительные. Разные, но очень узнаваемые. По-разному складывались их судьбы и на войне, и после Победы. У кого - то вполне удачно, с другими жизнь обошлась жестоко... Таковы ее суровые реалии, от которых писатель не отступает ни на шаг.

Автор не умаляет вклад каждого своего героя в общее ратное дело, но при этом воздерживается от патетики и громких фраз «о подвиге, о славе», ожидаемых читателем, выросшем на пафосно - патриотической литературе. Здесь, правда, имеющая силу документа. Ее невозможно оспорить и поэтому она имеет право быть рассказанной нашим современникам.

Прослеживая истории, описанные в книге, замечаешь их простоту и бесхитростность изложения. Так пишут письма близким тебе людям и дневники для себя. Читаешь и понимаешь, что от каждого из выписанных автором героев в конечном итоге зависит счастливое будущее нашей отчизны, детей и внуков, которых хочется видеть настоящими патриотами.

***Галина Беловол,
член Союза журналистов России.***

Борис Карманов

ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО
НАШЕЙ СТРАНЫ

И были революции,

и были войны,

и были жертвы.

Борис Карманов

ДВА СОЛДАТА – ОДНА СОВЕТСКАЯ СУДЬБА

Обоих моих дедов в 1914 году мобилизовали из одного района Крыма на фронт (оказались земляками), хотя друг друга они и не знали. Но войны без пленных не бывает. Предполагаю, что и попали в германский плен вместе. Пробыли там до 1918 года, когда после подписания Брестского мира, солдат отпустили домой. И никто не знал тогда, что именно их возвращение на Родину потянет за собой ряд как трагических, так и счастливых жизненных событий: расстрелы, тюрьмы, ссылки, безвинные смерти близких людей по воле государственной власти, любовь в уральской тайге моей мамы и отца, создание семьи, рождение нас – детей...

Баранов Дмитрий Митрофанович. Дед по материнской линии. Он был красавцем мужчиной. Не мог спокойно пройти мимо любой деревенской юбки. Для каждой из них у него всегда был в запасе ласковый эпитет. Балагур, весельчак, гуляка – дед нравился и замужним женщинам. Когда уходил на войну 1914 года, многие украдкой вытирали слезы.

Первое время Дмитрий Митрофанович исправно писал жене письма. Затем переписка неожиданно прервалась. Пошел слух, что Баранов в плену у германцев. Его жена – баба Катя стоически перенесла это известие, но не переставала ждать мужа.

В конце 1918 года дед появился на хуторе. Такой же статный, красивый. После традиционного застолья, рассказал землякам о войне, друзьях – товарищах, плене.

Борис Карманов

В минуту откровения, поведал что, будучи на чужбине, завел еще одну семью.

Баба Катя, поплавав, разговорила мужа. Оказывается, как военнопленный, дед Дмитрий был приставлен в качестве батрака на ферму к богатой фрау. Там в него влюбилась дочь фермерши. Вскоре стала его гражданской женой. Через год родились двое малышей – девочки. Закончилась война. В России произошла революция. Власть взяли большевики. Многие солдаты стали возвращаться домой. Затосковал солдат Баранов по родине. Все чаще и чаще стал вспоминать свою первую жену, трех сыновей и дочку. Этого не могла не заметить немка. Она оказалась женщиной умной, не стала насильственно удерживать возле себя мужа. Сказала просто: «Съезди домой, в Россию, осмотришься. Не приживешься, приезжай обратно. Тут у тебя тоже дети. Ждать будем с нетерпением».

Дмитрию Митрофановичу нередко доставалось от бабы Кати за несанкционированные любовные похождения. И однажды в ссоре бросил жене обидное: «Вот уеду обратно в Германию, тогда узнаешь, как жить без мужа». Утром винился, просил прощения...

Вскоре хутор в подробностях знал о второй семье Дмитрия Баранова за кордоном. Как водится, одни завидовали, другие злобствовались: «Неспроста гражданская жена осталась у германцев, не иначе немецким шпиёном стал».

Если б знал тогда дед, во что его трепотня выльется, язык бы на двух замках держал. После разгрома Врангеля мобильные чекистские отряды по приказу соратницы вождя мировой революции Владимира Ильича Ленина

Борис Карташов

большевички Землячки фильтровали многие населенные пункты Крыма. Как правило – без суда и следствия расстреливали не только участников белого движения, но и сочувствующих и просто не понравившихся.

Когда группа чекистов появилась в районе хутора, где жил дед Дмитрий, местные активисты тут же доложили прибывшему начальнику, что Баранов - бывший военнопленный, что у него в Германии остались еще одна жена, дети, что он, может быть, немецкий шпион. Этот серьезный факт не мог проигнорировать командир чекистов. Так дед стал «членом контрреволюционного заговора» и был расстрелян.

Карташов Федот Иванович. Дед по линии отца. В выписке из протокола № 177 Центральной комиссии при Крымском ЦИКе от 11 июня 1930 года сказано: «Карташов Федот Иванович 59 лет лишен избирательных прав на основании п. «а» статьи 14 Инструкции ВЦИК о выборах, как применявших наемный труд с целью извлечения прибыли. Состав семьи – жена Карташова Пелагея Яковлевна и сын Карташов Пантелей Федотович, 1906 года рождения (мой отец). Имущественное положение: три коровы, три лошади, два вола, 15 овец и четыре улья, собственной земли свыше 400 десятин...»

В отличие от деда Дмитрия он имел агрономическое образование, выступал в роли мирового судьи среди односельчан, был серьезен и немногословен. Не поступался принципами, до конца отстаивал свою точку зрения. Именно за эти качества пользовался непререкаемым авторитетом.

Попал в немецкий плен в первые месяцы войны. Почти все время провел в лагере для военнопленных,

Борис Карташов

по - крестьянски приспособиваясь к не человеческим условиям жизни. Выжил. Не сломался. Все его помыслы были о доме.

Вернулся... К свершившейся революции отнесся спокойно, никак не высказывая своего отношения ни к красным, ни к белым. Вступать в сельскохозяйственную коммуну, которая образовалась в селе сразу после гражданской войны, не спешил. Свое хозяйство ближе. Это не нравилось сельским революционерам, но они терпели деда Федота – как – никак авторитет на селе.

Коммунизм на деревенском уровне быстро распался. Многие крестьяне потеряли тогда последнюю живность, плуг, борону. Авторитет не члена коммуны деда Федота укрепился еще больше. Люди прямо заявляли: «Как поступит Карташов, так поступим и мы».

В конце двадцатых дед Федот был вызван в район. Учитывая его агрономическое образование, местное начальство предложило ему поработать в сельскохозяйственной еврейской коммуне, которая образовалась на крымском полуострове. Федот Иванович без обиняков заявил, что из этого предприятия ничего путного не получится. Не будут евреи работать в поле, - и наотрез отказался от всех должностей, которые ему были предложены.

А через неделю был арестован и посажен в тюрьму как злостный саботажник линии партии. Пока шло следствие, заболел. У него признали язву желудка. По словам очевидцев, после одного из допросов у деда открылось внутреннее кровотечение. Так и умер в тюрьме. Это официальная версия. Сейчас - то мы знаем как «умирали» в застенках ГПУ – пуля в лоб и все дела.

Борис Карманов

Два человека, две абсолютно разные судьбы, которые советская власть привела к одному знаменателю, только лишь потому, что хотела построить государство «всеобщего братства и равенства».

ВЕЧЕРОМ...

Николке девять лет. Он считает, что уже большой. Отец его работает в леспромхозе, дед по хозяйству по причине возраста – ему уже седьмой десяток, мать дома с детьми – их шестеро. Правда, она все время прибалывает. Отец сутками не бывает дома – все время на лесосеке. Живут они в глухом поселке, где обитают раскулаченные, репрессированные и прочие «враги народа». Деда, отца с матерью раскулачили еще в далеком 30-ом году и отправили на поселение на Урал.

Мальчишка всегда мечтает о хлебе. Кусочке белого или черного, пахучего, который тает во рту. Раз в неделю отец приносит две булки, которые выдают по спискам на членов семьи, однако их хватает ненадолго. Поэтому мать с утра уходит в лес, собирает грибы: их в этом году много. Они разложены по всей хате: сушатся. Есть соленые, маринованные, жареные. А Николка хочет кусочек ржаного хлеба, которого нет.

Вечером все садятся за стол ужинать. Мать достает маленькую краюшку хлеба, похожего на кирпич. Делит его на части. Мальчик вмиг проглатывает свою долю. У него на глазах появляются слезы. Знает, что сейчас придется есть грибы, которыми ребенок постоянно давится. Он смотрит, как дед, родитель с сестрами степенно съедают ложку за ложкой, и начинает плакать.

– Мама, не могу я их кушать, дай еще хлебушка.

Но хлеба нет, и малыш со слезами тоже приступает к еде. Через несколько минут он выскакивает из-за стола. Его сильно рвет. Мать с жалостью смотрит на сына.

– Потерпи, сынок, скоро будет много хлеба, а пока

- вот, чем Бог послал.

– Не хочу, они скользкие и противные, – плачет он.

Потом пьют чай, настоянный на чаге, горький и без сахара.

Затем мужчины выходят во двор покурить. Парнишка успокаивается и не отстает от них. Он забирается на колени к деду и неожиданно просит: «Расскажи про революцию и как ты служил царю? А почему тебя с папкой выслали сюда? Вы, что – враги советской власти? Нам об этом учительница рассказывала». Вопросов много и все неудобные – идет послевоенный 1946 год.

Семен Рябов с укоризной смотрит на отца, который, видимо, кое – что поведал внуку на эту тему.

– Про царя, Николка, уже много говорено. А когда произошла революция, я вшей кормил в немецком плену, куда попал на второй год первой мировой... Расскажу лучше про то, как впервые увидел красногвардейца. В гражданскую – то какой только власти у нас в деревне не было: и господа офицеры, белые, значит, зеленые – анархисты, красные – товарищи. А все один хрен безвластие полное. Только и знали реквизировать. Ну, лошадь там, бричку, амуницию. Сижу я, значит в хате, пью чай. Мамка твоя - дочка Маруся по горнице шныряет. А че ей. Восемь годков всего и было. Тут настезь открывается дверь, и в комнату врывается пацаненок лет пятнадцати. В одной руке шашка, в другой маузер. На голове картуз с красным бантом. Бант этот мне особенно запомнился. Абсолютно глупо так был пришит.

Влетает парень и кричит: «Здорово, батя. Как вы тут без нас – то? Небось, местные буржуи обижали? Ну, ничего мы им про учение Маркса и Энгельса расскажем - совсем по - другому заживете». Выпил ковш воды и

Борис Карманов

исчез. Потом слух пошел, что красногвардейцы это, которых Фрунзе привел. И баба эта... как ее... Во, Землячка, значит ее кликали... Я у Маруськи спрашивал кто это, но она тоже не знала. Тогда не знала. А через двенадцать лет, когда нас раскулачивали, все население уже хорошо знали эти фамилии. И буржуями к тому времени мы оказались – отобрали хозяйство наше подчистую и отправили валить лес сюда.

Николка слушает с недоверием, но внимательно.

- Ты, это..., - дед смущенно кряхтит, - что я тебе тут наговорил, нигде не рассказывай. Не надо об этом никому знать. Всем только хуже будет, – он тушит самокрутку, и они возвращаются в дом. Завтра трудный день – надо заготовить много дров на зиму. А она на северном Урале бывает морозная и долгая...

Борис Карташов

НЕТ В РОССИИ СЕМЬИ ТАКОЙ,
ЧТОБ НЕ ПАМЯТЕН БЫЛ
СВОЙ ГЕРОЙ

Великая Отечественная война все дальше и дальше уходит в прошлое. Стираются детали, уходят в небытие боевые эпизоды. Но память участников тех страшных лет нет-нет да выдаст события, которые раньше казались неинтересными, обыденными. И только по прошествии времени они приобретают значимость и продолжают цепко держаться в памяти. У героев этих новелл вымышленные имена и фамилии, потому что рассказанное об одном фронтовике вполне могло случиться и со многими другими, кто участвовал в той народной войне.

Государственная
библиотека
Югры

КО

КАК ПРОВОЖАЛИ НА ФРОНТ

День начинался как обычно. Чуть забрезжил рассвет, а Федька уже торопливо бежал на завод, где работал слесарем. Не дай бог опоздать на минуту. Тогда пять лет лагерей обеспеченно, а у него было уже два замечания. Война шла четвертый год.

В цехе все как всегда: верстаки, пацаны 12–14 лет, женщины – все готовились к пересменке. Федор переоделся в спецовку, получил инструменты. В это время к нему подошел мастер и как-то обыденно вручил повестку:

- Кокорин, тебя на фронт забирают завтра. Иди домой, - и, шаркая ногами, пошел прочь, бормоча себе под нос: - Мальчишка еще совсем, семнадцать только...

Домой будущий солдат шел сосредоточенный, глубоко вдыхая морозный воздух. Он как бы заново узнавал давно привычный пейзаж, улицы, дома. Вот школа, куда бегал восемь лет на учебу. Вот пустырь, где гонял футбол, играл в городки или лапту. А там, за поворотом, дом, в котором живет Катюшка – девочка с зелеными глазами. Когда она была рядом, сердце паренька, казалось, вот-вот выскочит из груди.

В комнате раздавался стук швейной машинки: мать обшивала всю округу. Подняв голову, вопросительно посмотрела на сына. Тот как-то засуетился и, смущаясь, сообщил ей о повестке. Та схватилась за сердце, побледнела, глаза наполнились слезами. Сухие губы чуть слышно прошептали:

– Последнего-то зачем? Трое уже воюют. – Поглядела на фотографии, висящие на стене. Вот Степан

– муж, рядом старший – Иван, средний – Коля. Завтра повесит и фото младшего...

Вечером пришли гости: старый мастер с завода – друг отца, сосед и Катюшка – зеленоглазая любовь призывника. На столе роскошная закуска: вареная картошка, квашеная капуста, сало и, о боже, бутылка марочного, довоенного вина – все это мать выменяла у спекулянтов за отрез крепдешина, который берегла еще с мирных времен.

Неожиданно погас свет. Девушка испуганно схватила парня за руку, и уже не отпускала ни на минуту. Так они просидели до утра: мать, влюбленные и мастер, которому некуда было идти – он жил при заводе. Изредка переговаривались о чем-то незначительном, но им казалось, важном. Рассвело. На улицах появились спешащие люди. Город просыпался.

В военкомат будущий солдат поехал один. Он убедил женщин, что если его не будут провожать, обязательно вернется домой живым и невредимым. Но в душе боялся по-детски расплакаться на глазах у родных ему людей, потому что было просто страшно. Страшно понимать, что можешь быть убит и никогда-никогда не увидишь зеленых глаз любимой, не прижмешься к матери.

В отчий дом Федор Кокорин вернулся, как и обещал. Шел декабрь сорок пятого.

СХРОН

Костя Жуков был обыкновенным деревенским пареньком. Работал подпаском, затем пастухом в колхозе. Было спокойно и хорошо жить, пока не началась война. В 17 лет был призван в армию.

...Учебная воинская часть, наспех сформированная из таких же юнцов как он, готовила из них пулеметчиков и минометчиков. В общем, ту самую пехоту, которая называется «царицей полей».

Зима. Все время, хотелось, есть и спать. Растущий организм подростка требовал пищу в больших количествах, ее не хватало. И отдыха. Каждая клетка тела желала покоя. Постоянный холод завершал это мучительное состояние.

Жили в лесу, в наспех сколоченных бараках. В спальнях стояли буржуйки, которые нужно было топить постоянно. И лишь в бараке, где расположилась солдатская столовая, были сложены настоящие печи из кирпича. Там было всегда тепло и пахло едой. Поэтому дежурство в столовой было делом, к нему стремились все молодые солдаты. Но главное – охрана этого стратегически важного объекта, на который голодными глазами смотрели сослуживцы. Нужно было охранять продукты питания и заготовленные впрок дрова, сложенные поленицей у входа в столовую от своих же солдат. Причем, если для буржоек заготовка дров входила в обязанности дневального по роте, то для кухни их заготавливали всем миром.

Сегодня старшина назначил Костю дневальным. Но вокруг барака не было ничего похожего на топливо

Борис Карманов

– все, что близко лежало, стояло, валялось, было сожжено в прожорливой топке казармы. Жуков сразу понял, что лучше всего дрова для печек брать у столовой. Однако их охранял такой же, как он, солдат. Необходим был план по изъятию стратегического сырья. Константин просчитал, что обход часового вокруг столовой составляет восемь минут. За это время нужно добежать от казармы до столовой, а это двадцать метров, схватить охапку дров и успеть скрыться, пока его не увидит часовой. Дважды он успел проделать эту операцию блестяще. Нужна была еще одна ходка – тогда он до конца дежурства мог подремать у железной печки. Часовой еще поворачивал за угол, а он уже был у поленницы. Схватил охапку, но что это? Среди поленьев лежал брикет с прессованной кашей. Видимо, кто-то спер его со склада и спрятал, считая, что здесь никто не найдет. Не думая, Костя сунул пакет за пазуху и рванул обратно.

В казарме отдышался. Каша лежала у него на груди и напоминала о голоде. Рот был набит слюной так, что, казалось, открой его, наполнил бы целое ведро. Не выдержав такого напряжения, выскочил на улицу, всем своим видом показывая, что направляется справить нужду. Надо сказать, что специально отведенного помещения не было. Естественные надобности справляли прямо на свежем воздухе, по кустикам. Расстегнул штаны, присел, запустил руку за пазуху, нащупал брикет, отломил кусочек и затолкал в рот, лихорадочно жуя, соображая, куда спрятать свалившееся на него богатство. Взгляд упал на застывшую, на морозе лепешку дерьма. Отбил ее от снега, вырыл углубление, положил в него кашу, завернутую в пергамент, сверху прикрыл лепешкой. Тайник был оборудован! Не переставая жевать (в

Борис Карташов

казарму нужно было вернуться, чтобы не было следов его преступных действий на губах), отметил место хранения и, застегивая штаны, отправился в помещение.

Никто не хватился спрятанной каши, и юный солдат несколько дней имел дополнительное питание. Единственное неудобство – регулярное хождение по нужде. Но и оно подозрения не вызывало. Расстройства желудка случались часто. Вкус той каши старый солдат помнит до сих пор. И никаких угрызений совести о содеянном у него не возникало никогда.

ПЕРВАЯ НАГРАДА

Арсения Есаулкова призвали в действующую армию в сорок втором, летом. Стояла невероятная жара. Зной, казалось, пропитал всю растительность, реку, воздух. Дышать было тяжело. Но еще тяжелее было ожидание смерти: их полк, окопавшийся в чистом поле, подвергался непрерывному артиллерийскому обстрелу и бомбежке, а между ними - пулеметному огню. Это был ад в полном смысле слова. Хотелось умереть, чтобы все разом кончилось. И только инстинкт самосохранения не позволял подняться в полный рост и броситься навстречу смерти. Тогда он брал в руки томик Жюль Верна о приключениях капитана Немо, невесть откуда взявшийся в деревенской избе, где они месяц назад стояли на переформировании, и читал вслух, не обращая внимания на какофонию раздававшихся, вокруг звуков. За неделю боев парень выучил книгу наизусть. И спустя десятилетия цитировал целыми страницами своему внуку на рыбалке, когда не было клева.

Арсений остался жив благодаря мудрому совету бывалого солдата, который советовал при артобстреле выставлять из окопа руку или ногу. Ему повезло, ранило в ногу и пропороло осколками задницу. Повезло еще и потому, что товарищ втащил его в землянку, где находился командир батальона и еще трое солдат, оставшихся в живых. Повезло, когда комбат докладывал по рации об успешной обороне и героизме личного состава. Тех, кто прослужил два месяца, а их было двое, представили к наградам. Самого комбата и командира взвода – к ордену Красной Звезды, молодых, – к медали «За отвагу».

Барис Каримов

Эту свою первую награду Есаулков получил уже в госпитале. А когда пришло время предстать перед медицинской комиссией, прицепил ее прямо на больничный халат. Старая женщина-врач с торчащей изо рта папироской глянула в историю болезни, посмотрела на восемнадцатилетнего паренька, еле стоявшего на ногах, поинтересовалась, где это его так шандарахнуло... Услышав, что он из роты автоматчиков, махнула рукой, сделав запись в личном деле «годен в штурмовую авиацию стрелком-радистом», мотивируя тем, что он уже пережил свою смерть в окопе.

– Пусть там воюет. Есть шанс выжить, если сейчас вообще это возможно.

Он выжил, закончил войну в Кенигсберге и вернулся домой. Прожил долгую и счастливую жизнь. Умер от разрыва сердца, когда его пригласили на опознание тела внучки, изнасилованной и убитой наркоманами в годы перестройки.

ОБЕД НА ПЕРЕДОВУЮ

Старшина Зятьков не был «отец солдатам». Вечно придирался к молодым, ябедничал начальству, да и к тому же приворовывал. А к Степке-пулеметчику имел просто патологическую ненависть. То ли за его вечно улыбающуюся физиономию, то ли за готовность помочь любому нуждающемуся, то ли за его молодость, но факт оставался фактом – изводил парня старшина. И довел бы, наверное, до греха, если бы не молчаливый пожилой солдат, смоливший одну самокрутку за другой.

– Ты это, – прижал он к брустверу старшину, – отстань от парня. Добром прошу. – Его глаза недобро блеснули.

Тот трусливо кивнул головой, и солдат понял, что его слова не восприняли всерьез.

Сегодня обед запаздывал. Вернее, опаздывал старшина, который отвечал за его доставку на передовую. Еще утром он с двумя солдатами отправился к походной кухне. Чуть позже немецкий снайпер ранил Степку. А еще командир взвода долго распекал старого солдата за якобы антисоветскую агитацию и паническое настроение, которое он сеет среди личного состава, явно со слов старшины. В общем, накипело.

Солдат, чертыхаясь, устроился у пулеметного гнезда и чтобы успокоиться стал разбирать и собирать оружие. Вдали показались воины, тащившие обед во флягах. Чуть позади, размахивая руками, шел старшина. Пулеметчик чуть развернул пулемет, прицелился и дал очередь поверх головы Зятькова. Тот от неожиданности сиганул в сторону и плюхнулся в грязь. Полежал, прикрыв голову руками, приподнялся. Строчка пуль, прошившая рядом землю, заставила его опять ткнуться

Борис Карташов

в жижу. Так повторялось до тех пор, пока комвзвода решительно ни дернул солдата за рукав бушлата.

– Хватит, он, наверное, уже в штаны наложил. Да и догадался, что стреляют не немцы.

Стрелявший привел пулемет в изначальное положение и стал налаживать самокрутку под одобрительные взгляды однополчан.

СПИРТ ПОМОГ

Их батальон морской пехоты уже 20 дней оборонял этот южный город, который впоследствии войдет в понятие «Малая земля», благодаря «дорогому Леониду Ильичу». Атаки и артобстрелы были почему-то только днем. Ночью наступала томительная тишина. И мучила жажда.

Пронесся слух, что на окраине города, недалеко от их позиций, на территории какого-то предприятия нашли бассейн с пресной водой. Днем подойти к нему невозможно, а вот в темноте шанс был.

Андрей Вотинцев и Макар Коваленко были с Урала. И оба воевали еще в финскую. Поэтому боевой опыт и стаж на войне как бы само собой подталкивал их отправиться к бассейну. Не посылать же этих салаг, которые на передовой-то всего несколько месяцев. Обязавшись фляжками и бутылками, они нырнули в неизвестность. К своему удивлению, добрались быстро и без приключений.

Бассейн блестел водной гладью. Подползли. Напарник заматерился. У берега плавал труп. Мелькнула мысль, что могут и их грохнуть. Превозмогая отвращение, Вотинцев оттолкнул мертвеца от борта, и они стали наполнять фляжки. Стоял, как им казалось, какой-то подозрительный, приторный запах. Что-то было не так. Но что - понять не могли, поэтому, закончив работу, быстренько отправились в обратный путь.

Их встречали как героев. Помогали отвязывать фляжки, бутылки. Кто-то с жадностью отвинтил пробку и сделал большой глоток. Поперхнулся и выплюнул.

Борис Карманов

– Вы что принесли?

– Неужели вода испортилась? Там труп плавал чей-то.

– Какой труп, какая вода! Спирт это!

Моряки загалдели, засуетились, но грозный рык офицера остудил их пыл. Фляжки и бутылки сложили в одну кучу под контроль санинструктора. Всем хотелось попробовать нежданный подарок, но командир был суров – скоро подойдут катера, чтобы они смогли эвакуироваться, какой уж тут спирт.

Земляки ничего не просили. Просто переглянулись и отошли в сторону. Достали спрятанную фляжку и по очереди приложились к ней. Потом еще и еще раз. По телу распространилось тепло, в голове зашумело. И когда раздалась команда грузиться, автоматически заскочили в катер. Приткнулись на корме и мертвецки заснули.

...Очнулся Макар Коваленко в воде. Вокруг крики, взрывы. Их бомбил самолет. Товарища рядом не было. Он поплыл неизвестно куда. Рассвело. Вокруг бескрайняя морская гладь. Потом все было, как в замедленном кино. Матрос отдыхал на спине, затем плыл, опять отдыхал. Была снова ночь, и снова был день. Сознание то, прояснялось, то исчезало. Его несли на руках, везли в машине. Пришел в себя только в больничной палате. Когда объяснил, откуда он, у врачей округлились глаза. Оказалось, в воде был около трех суток.

Позже товарищи по госпиталю спрашивали: как остался в живых? Он отвечал:

– Спирт помог, – и перед глазами возникал труп солдата в бассейне, который они с товарищем небрежно оттолкнули от борта и не вытащили на сушу.

ЗАГРАДОТРЯД

Заградительные отряды существовали везде, где воевали штрафники. В их обязанности входило расстреливать отступающих, если вдруг атака «захлебывалась». Об этом хорошо знали те, кто первыми врываются в окопы противника. Зла не держали, понимали: так надо, потому что наступать с одной винтовкой на двоих, ползти или лежать в открытом поле, когда пыль вокруг не успевает оседать от артиллерийских взрывов на землю, никакой смелости не хватит. И многие в панике бежали под пули своих соотечественников.

...Они вошли в этот небольшой городок через пару часов, после того как его атаковали их поднадзорные. Выждали, чтобы удостовериться – немцев нет. Двигались группами. Вначале город казался пустым, но чем глубже проникали на улицы, тем явственней ощущалось, что город жив. То здесь, то там мелькали люди, которые при виде военных торопливо прятались в подворотни. Затем стали появляться штрафники (они были без знаков различия), шныряющие по улицам в поисках то ли недобитых фашистов, то ли чего-нибудь стоящего и нужного.

И что странно, многие из них были навеселе, а то и вообще пьяные. Наткнулись на такую группу штрафников: они в руках несли кто котелки, кто ведра – в общем, емкости, чем-то наполненные. Поинтересовались, что это? Оказалось, спирт. Его было много на железнодорожной станции в цистерне. Слух о нем разнесся уже по всему населенному пункту, так же как и то, что охранялся он символически, пьяным солдатом. Не сго-

Борис Карташов

вариваясь, повернули к вокзалу, на ходу изыскивая подходящую посуду. У цистерны мирно посапывал часовой, рядом из дырки текла живительная влага. Наполнили все, что можно было, и двинулись искать свою роту, вернее, место, где ее штаб мог располагаться. Нашли, доложили командиру о происшествии. Похвалив за сообразительность, капитан приказал подыскать соответствующее жилье, в котором можно не только отдохнуть, но и переночевать. Надвигалась ночь.

Отдыхали тихо, но основательно. Вначале пили разбавленный спирт, затем чистый. Чем все кончилось, никто не помнил. Очнулись ночью, спали вповалку в каком-то частном доме. В кромешной темноте, кряхтя и чертыхаясь, капитан по рации расспрашивал позывной «Пион», где они находятся, далеко ли немцы, кто впереди, сбоку, сзади? В общем, полную дислокацию.

Послышалось бряцание кружек, глубокий выдох и чей - то голос:

– А ведь немцы могли вырезать нас простыми ножами. Это надо же было так нажраться.

...Война продолжалась, и будет длиться еще два года. Но этот случай рядовому Ушакову запомнился надолго – ведь как просто, по собственной глупости, можно было потерять самое дорогое – жизнь!

ОДНА ЛОЖКА НА ДВОИХ

На передовой Пантелей и Степан были недавно. Поэтому как молодых, неопытных солдат их больше использовали на хозяйственных работах. Вот и сейчас старшина послал за обедом, вручил большие термосы и котомку под хлеб. Отправились с удовольствием. Во-первых, прогуляться до полевой кухни и обратно – все какое-то развлечение. Во-вторых, у кухни можно было узнать последние новости, которые повара знали точно, ну и, в-третьих, поесть от пуза, прямо на раздаче.

Выполнив все свои желания, неторопливо возвращались с нехитрой поклажей на передовую. Вдали слышали гул самолета.

– Юнкерс, – махнул рукой товарищу Степан, – давай вон за тем кустом переждем, сейчас стрелять начнет.

Присели, поставив между собой термоса. Гул нарастал. Солдаты инстинктивно втянули головы в плечи, закрыли глаза. Но все равно пули, свистевшие рядом, были неожиданны и испугали их.

Когда самолет улетел, Степан толкнул товарища.

– Ну, ты как, нормально?

Вместо ответа Пантелей мешком повалился на землю. Из-под уха вытекала пульсирующая кровь.

«Ложка у него за голенищем осталась, – почему-то, подумал Степа, – она у нас одна на двоих. Достать надо».

Отрешенно, как будто это происходило не с ним, а с совершенно посторонним человеком, вытащил ложку, обтер ее о полу бушлата и засунул себе в сапог.

Барис Карташов

Взял в обе руки термосы и поволок их ждущим обед сослуживцам.

Объяснять ничего не надо было. Солдаты видели все сами.

– Ложка, вот, у нас на двоих была, забрал, – показывал всем ее молодой солдат.

Это была первая смерть на глазах у парнишки.

БАНЯ

Завтра Егора Большакова поведут на расстрел. Переживал ли о содеянном, понимал ли, что в 19 лет жизнь может оборваться навсегда и его уже никогда не будет? Скорее всего, нет. А вот о том, что его сурово наказали – несомненно.

Часовой принес еду, сочувственно глядя на арестованного:

– Ты поешь, милоч. Может, еще все образуется. Вон, говорят, командир полка должен приехать. Обязательно разберется.

От этих слов у рядового непроизвольно потекли слезы. Он с надеждой поглядел на часового:

– Вы, считаете, это возможно?

«Господи, да он совсем же малец», – подумал сержант, а вслух спросил:

– Как же ты такого бугая умудрился уложить, что он даже в медсанбат попал?

– Не знаю, просто мне в тот момент показалось, что передо мной враг.

...В тот день их рота, после месячного нахождения в окопах, наконец-то была отправлена в тыл на помывку в баню. Ну, баня - сильно сказано. Переоборудованный под это дело амбар, просто, больше всего подходил для бани. Умельцы сложили в нем печь, на которой грели воду. Сделали лавки, в углу, около дверей поставили здоровенный бак под холодную воду. И небольшой на плите – под горячую. Из-за этого и произошла драка с этим амбалом.

Солдат уже около часа ждал горячую воду. Все понимали, что 20 литров не хватит на целое отделение,

Борис Карамин

поэтому грелись у печки, плескаясь холодной.

Здоровенный детина ввалился в помывочную шумно и без очереди. Бесцеремонно отобрал у паренька шайку с водой и стал мыться.

– Ты чего, это же моя шайка, – стараясь быть спокойным, повернулся парень к наглецу.

– Ну, ты, недоносок, сдохнуть в окопе можешь и грязный, а мне при штабе надо находиться чистым. Я, как ни как, ординарец комбата.

От этих слов Егора затрясло, билась мысль: «Вражина, сука, гад. Да как же он может так поступать со мной?»

Дальнейшее происходило, как в тумане. Парнишка схватил железный ковш и с размаху ударил обидчика по голове. От неожиданности тот отскочил в сторону и, поскользнувшись на мокром полу, растянулся во весь рост, потерял сознание. Вокруг головы растекалась кровь.

Гнев прошел сразу же, как упал ординарец. В груди была холодящая пустота. Вокруг суетились товарищи по оружию, оказывая первую помощь пострадавшему: положили на носилки и понесли в медсанбат.

– Зря ты связался с этим дураком, – похлопал по плечу его командир отделения, когда они, одевшись, вышли на свежий воздух.

– Он тебе этого не простит. Обязательно донесет комбату. Этот псих, еще и подонок. Наверняка, под вышку подведет.

Накаркал кореш. Комбат, не разбираясь, приказал наказать по законам военного времени. Как рассказал особист, Большакова обвинили в необоснованном нападении на старшего по званию, нанесении тяжких телесных повреждений. Причем, сопровождалось это,

по словам ординарца, антисоветскими лозунгами и призывами переходить на сторону немцев: там, мол, хоть помыться можно по – человечески.

– Да бред, вранье, все это, – оправдывался солдат.

– Возможно, но ранил ты его тяжело. А то, что тебя оскорбили, к делу не пришьешь. В общем, в распыл тебя.

Ночью парню снилась родная деревня, река, где часто рыбачил с дедом, и мать, плача, говорившая ему:

– Ну, зачем же ты, сынок, так. Вот я всю жизнь мылась только холодной водой и ничего, живу.

– Не в этом дело, – закричал солдат, – он оскорбил не только меня, а всех, кто находился на передовой!

Проснулся от собственного крика и лязга засова в двери. В арестантскую вошел полковник в сопровождении начальника караула. Пронзительно посмотрел на солдата и отрывисто спросил:

– Значит, грязным сдохнуть в окопе не хочешь? Поэтому и чуть не убил ординарца комбата?

– Так точно, товарищ полковник, по православному обычаю на смерть чистым идти полагается.

Командир полка повернулся и уже в дверях приказал сопровождающему офицеру:

– Расстрел отменить, обойдемся штрафной ротой, – и задумчиво, как бы самому себе добавил: – хотя для него и этого много, да та сука донос уже написала в дивизию...

Через несколько часов солдата под конвоем доставили на новое место службы. Это была очередная уловка полковника, который понимал, что его приказ тоже могли отменить...

Борис Карташов

КОГДА НЕ СТРЕЛЯЮТ В СПИНУ

«При становлении советской власти в тридцатых годах прошлого столетия более миллиона крестьян были раскулачены. У них отняли постройки, имущество, землю, семенной фонд, лошадей, скотину, птицу, запас продуктов питания, инвентарь, а самих крестьян семьями как кулаков ссылали в северные районы Советского Союза. Судьба этих крестьян оказалась драматичной. Большая часть из них погибла в пути, а у оставшихся в живых были изломаны судьбы. Это самая трагическая, невероятно жестокая по своей сути история советской власти».

Из книги Виктора Прядкина «На изломах двадцатого века».

Из официальной биографии почетного гражданина Советского района, ветерана Великой Отечественной войны, кавалера орденов Красной звезды, Отечественной войны 1 степени, «Знак Почета», Дружбы Народов; награжденного медалями «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов», Жукова, «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» и еще десятью юбилейными, НИКОЛАЯ ФЕДОРОВИЧА БАЖЕНОВА, которую он отправил в Тюменский обком партии для начисления пенсии по старости:

«Родился в 1923 в семье крестьянина в деревне Басаргина Голышмановского района Тюменской области. Участник Великой Отечественной войны. Член

Борис Карташов

КПСС с 1943 года. Уволен из действующей армии по ранению. Инвалид 2 группы. В 1945 году закончил Ханты - Мансийское педучилище. В 1963 - Тобольский педагогический институт – заочно. Работал инструктором ОСОАВИАХИМ, учителем, директором школы, заведующим горно, окроно, инструктором, заведующим отделом пропаганды и агитации Ханты-Мансийского горкома КПСС, окружкома партии, вторым секретарем Советского райкома партии».

Из отдела кадров обкома партии прислали правку в текст автобиографии: «...необходимо уточнить, в семье какого крестьянина вы родились?» Пришлось написать: «в семье крестьянина – кулака», так как отец, Федор Баженов, был раскулачен в 1929 году и сослан вместе с семьей в п. Луговской Ханты – Мансийского района. Это уточнение данных напомнило нашему герою о трагических событиях начала его жизни и было воспринято с некоторым недоумением и долей обиды. Ведь с 1985 года руководством страны был провозглашен курс на перестройку, гласность и демократию. Репрессии и преступления сталинского режима были уже осуждены. Однако требования к анкетным данным оставались такими же, как и 50 лет назад.

- Я никогда не хулил власть. Даже в мыслях не допускал, что в моей стране происходит что – то неправильное, - Николай Федорович помолчал и добавил: - обидно было, когда в комсомол отказали принять и в военное училище. Но понимал: я сын кулака, и мне туда дорога заказана..., - лицо собеседника покраснелось, выдавая волнение. - А чтобы быть членом коммунистической партии и думать не приходилось.

Мы сидим с Николаем Федоровичем в его доме, на

Борис Карташов

кухне. С удовольствием и по поводу выпиваем по рюмке водки в честь 50 - й годовщины Великой Победы.

- У моего отца, Федора Герасимовича было 10 младших братьев. Он - старший в семье, так как мой дед погиб во время крестьянского восстания в 1921 году. Все жили вместе. Ну и соответственно, хозяйство было большое. Когда пришла коллективизация, 10 братьев оказались бедняками и разъехались по стране, а мой отец был объявлен кулаком, так как он все имущество записал на себя. Да еще дед, который участвовал в Тобольском восстании против большевиков и был убит, «сыграл» определенную роль. – Ветеран помолчал немного. – Вот так я и стал сыном раскулаченного в 6 лет.

Надо сказать, что Тобольская эпопея, подобно Тамбовской, это малоизвестный эпизод в истории крестьянского восстания 1921 года. Одна из самых позорных страниц установления советской власти в Сибири. История трусости, лицемерия и предательства. Тем не менее, в отечественной историографии Западно - Сибирский мятеж (в отличие от таких типологически тождественных ему событий, как «антоновщина» и Кронштадтское восстание, которые он превосходил и по количеству участников и, по территориальному охвату) до сих пор остается темой слабо изученной.

- Сослали нас, как я уже говорил, в поселок Луговской. Это на левом берегу Оби, в 35 километрах от окружного центра. Там и прошло мое детство. Как ни странно, я не чувствовал себя в чем то обделенным. Может быть, потому что практически весь поселок состоял из таких же, как наша семья, в чем - то провинившихся людей перед советской властью. Это воспринималось в порядке вещей. Правда, в 1931 году от голода умерла

мама, в 35 – м – сестра. Но и это казалось естественным. У многих семей происходило то же самое. Объяснялось просто: в стране не хватает хлеба, идет жестокая борьба с врагами народа, которые и виноваты во всем. А о том, что это относилось и к нам – никто не верил Перегибы на местах!!! Некогда товарищу Сталину с ними разбиться, но придет время... Не успел.

В 1939 закончил семилетку, поступил в Ханты – Мансийское педагогическое училище. Золотое время было – студенты! Пора первой любви, самостоятельности... Два года пролетели, как один день. А тут – война! – ветеран прервался, поднял рюмку, посмотрел куда - то в сторону, и пригубил спиртное. – В порыве всеобщего патриотизма написал заявление в военное училище. Но от военкома поступил жесткий ответ: «армии кулацкие дети не нужны и враг будет разбит без вашей помощи».

Но в июне 1942 года призвали парня в действующую армию. Полмесяца «учебки» и - на фронт. В эшелоне выдали по одной винтовке на двоих и по десятку патронов к ней.

... Первый бой. С ним был земляк, с кем делили винтовку. Удалось окопаться и по очереди стрелять в контратакующих немецких автоматчиков. Земляк был в этом бою ранен в ладонь правой руки. Его перевязали и отправили в тыл. На передовой он больше не появлялся. Каким – то образом по легкому ранению сумел комиссоваться. Встретились они только в 1944 году в Ханты-Мансийске, но уже без дружеских объятий.

Вскоре Баженова направили на ускоренные курсы командиров стрелковых взводов. Через два месяца он уже новоиспеченный младший лейтенант. А в январе 43 – го его взвод оказался под Ржевом.

Борис Карманов

«Правду о Ржеве скажут только тогда,
когда умрут все, кто здесь командовал...»
(Ветеран боев за Ржев в частной беседе).

На Ржевском плацдарме стояли две трети немецких дивизий армии «Центр» для наступления на Москву. Потери советских войск в боях под Ржевом составили более двух миллионов человек, вдвое превысив потери в Сталинградской битве. В лесах подо Ржевом погибла 29-я армия. Сам город был превращен в лунный пейзаж. От 40.000 населения города осталось всего 248 человек. После ожесточенной 15-месячной битвы Ржев так и не был взят - немцы сами отошли на заранее подготовленные позиции.

- Дед, а сколько жил лейтенант, командир пешотного взвода на передовой?

Встречный вопрос деда был неожиданным.

- Какой – хороший или плохой?

- Ну, скажем, хороший.

- Две атаки. Потом, в лучшем случае, госпиталь.

- Ну, а плохой?

- Одну. Свои в спину убьют в первой же.

(Из разговора старого солдата с внуком).

Сводной батальон, в состав которого входил взвод Баженова, под покровом ночи должен был занять участок немецкой обороны и ждать подхода основных сил. Пока шли к намеченной цели, в живых осталось половина атакующих. Погиб комбат. Николай принял командование на себя. Закрепились. Однако помощи, как оказалось, они ждали зря. Из – за неразберихи никто толком и не знал, что прибывшая часть уже на передовой. Их

забыли. Вскоре остатки батальона были окружены немцами. Младший лейтенант принял решение отступить... Ночью пошли на прорыв. Из взвода Баженова осталось в живых трое солдат и он. За этот бой его, как и других оставшихся в живых представили к ордену Красного Звезды.

*... Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?
Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону...
... Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.
... Я вам жизнь завещаю,
Что я больше могу?...*

Николай Федорович внимательно слушает стих Александра Твардовского в моем исполнении и чуть слышно шепчет:

- Все так и было, да, так!

Затем резко встает и выходит в другую комнату. Я же, стыдясь себя, воровато выпиваю водку, закусываю... И, не понимаю, зачем это делаю.

Старый солдат появляется на кухне. Он спокоен, слегка снисходителен ко мне. Лишь покрасневшие глаза выдают недавнее волнение.

- Ну, что осталось еще горячительное, - вопрошает он, и, не замечая моего смущения, на правах хозяина наливает вновь. Помолчал. И отставив рюмку, заговорил:

Борис Карманов

- Знаешь, Борис, когда кто - то начинает рассказывать, как он браво воевал, как ходил в атаку, убивал человека, я не верю этому вояке. Там все не так. Там нет людей. Все звереют. Есть солдаты, которые убивают. Их убивают. И думаешь только о том, чтобы выжить любой ценой. Сейчас я понимаю того земляка – труса: жить хотел. Нет – выжить! Понимаешь меня?

Я не понимаю. Ведь чаще всего солдаты говорят об их отношениях к смерти — она же постоянно кружила рядом. Так близко и уже привычно, как и жизнь. Я пытаюсь понять, как можно было уцелеть среди этого бесконечного процесса умирания? Смотреть изо дня в день. Думать. Невольно примеряться. И не нахожу объяснений.

...На Западном фронте больших перемен не было. Однако моему герою приходилось участвовать в боях местного значения: оборонительных, наступательных в качестве первого номера станкового пулемета. Ходил в разведку боем.

Летом 43-го уже лейтенанта Баженова вызвал к себе замполит батальона на предмет вступления в ряды ВКП(б). Молодой офицер уже по привычке рассказал о своем черном пятне в биографии - сын кулака, мол. Майор выслушал и ушел, ничего не сказав. Через три дня нашел его в землянке и положил перед ним чистый лист бумаги:

- Пиши заявление о приеме в партию.

Так Николай стал коммунистом.

А спустя неделю он принял свой последний бой. Нужно было занять плацдарм для последующего наступления основных сил и дать об этом сигнал, как объяснили в штабе полка. Но не сказали, что это была дезинформация: главный удар должен произойти в другом

месте. Сформировали особый отряд автоматчиков и бросили его под покровом ночи на вражеские укрепления. Только солдаты поднялись в атаку, их тут же накрыли мины противника. Последнее, что помнит Баженов – вздыбилась земля, и темнота... Его вынесли солдаты подчиненного взвода. Не выстрелили в спину, вынесли на своих руках в тыл. Значит, был хорошим взводным двадцатилетний лейтенант Баженов.

Еще одна особенность биографии фронтовика. Орден Красной звезды, которым его наградили, за первый бой Баженов получил... только в 1965 году! Почему? А помните правку отдела кадров обкома КПСС по поводу происхождения? Думается, ответ нужно искать там же. А второй орден, Красного Знамени, которым его наградили за последний бой, Николай Федорович прикрепить к пиджаку не успел. О награждении он узнал из газеты «Ветеран» за 1995 год. Редакция газеты тогда разыскивала награжденных орденами и медалями, не получивших их в свое время. Он послал запрос в военный архив в Подольск, но вечная русская бюрократия да «лихие» 90-ые сыграли свою роль – ответа не последовало. Второй раз Николай Федорович постеснялся.

... Четыре месяца госпиталей, несколько операций на прострелянных ногах, и зимой 1944 года инвалид второй группы Николай Федорович Баженов вернулся в родной поселок на костылях. Восстановился в педучилище, успешно его закончил. Нашел свою половинку – Екатерину Афанасьевну, тоже студентку и приступил к гражданской жизни. Они родили двух сыновей. С энтузиазмом начали строить светлое будущее нашей страны. Для этого было все под руками – лес, нефть, газ, грандиозные стройки.

Борис Карманов

Его карьера была спокойной. Молодого коммуниста, прошедшего горнило войны, заметили сразу. Рассудительный, доброжелательный, он вызывал симпатию не только у начальства, но и у простых людей. Если где назревал скандал – посылали Баженова. Знали, все уладит как надо. Учитель, директор школы, работник окружкома и последние 17 лет - бессменный секретарь по идеологии Советского района Тюменской области. Кстати, он был единственным вторым секретарем райкома в области, занимающимся идеологией. В обычной практике – второй секретарь ведал промышленностью и считался выше рангом.

Баженов был как бы противовесом эксцентричному первому секретарю. Если тот мог рубить с плеча, то Николай Федорович всегда старался сгладить резкость «первого», перевести все в более спокойное русло. При этом оставался принципиальным, честным человеком, что в то время было немаловажным фактом. Вспоминается почти анекдотический случай, в котором он проявил себя не зашоренным партийным уставом аппаратчиком, а нормальным мужиком. Один из руководителей районного масштаба завел роман со своей подчиненной. Об этом узнала жена, пожаловалась в райком. И надо же, начальник сразу сознался в прелюбодеяниях. Родилось персональное дело, которое рассматривалось на заседании бюро райкома КПСС, высшем коллегиальном органе в партии, где очень пеклись о моральном облике своих рядов. По крайней мере, пока это не становилось достоянием гласности. На бюро и была знаменитая речь Николая Федоровича:

– Сначала я буду говорить как секретарь по идеологии. Ты, руководитель, коммунист, развел в коллективе аморальщину. Какой пример подаешь подчиненным?

Плохой! За это тебя накажем. А сейчас хочу сказать как мужик мужику. Ты что, охренел совсем? Кто тебя за язык тянул сознаваться? Тебя что, за ноги держал кто-то? Непорядочно это по отношению к женщине, какая бы она ни была.

В общем, горе-любовник схлопотал выговор с занесением. Над ним еще долго подтрунивали знакомые.

По долгу службы Баженов курировал районную газету. Во времена тотального контроля над идеологией это была ответственной обязанность. В связи с этим Николай Федорович был частым гостем в редакции. И не только по службе. Любил присутствовать на заседаниях литературного объединения «Кедр», созданного при газете. Обожал стихи поэтов - фронтовиков.

В газете нет-нет, да и случались опечатки (так называемые «ляпы»). Однажды на первой полосе в шпигеле (верхний правый угол) поместили заметку об успешном завершении плана очередного квартала. Текст начинался так: «В полном объеме выполнили производственные показатели работники торговли...» Каким-то образом отлитые на линоTYPE строчки перепутались и получилось: «Объ-еботники торговли...». На утро был звонок мне, ответственному секретарю газеты. Звонил Николай Федорович:

– Ты, конечно, в чем-то прав, они, действительно, иногда обманывают покупателей. Но зачем писать об этом чуть ли не матерным языком?

Посмеялись оба. На том инцидент был исчерпан. А могли и с работы выгнать...

... Середина восьмидесятых. Продовольственный магазин. Громадная очередь. Многие, надеюсь, помнят то время сплошного дефицита. Заходит Николай Федорович и пристраивается в конце людской вереницы. Его

Борис Карташов

тут же узнают:

– Проходите без очереди, – расступается очередь. Он смущенно улыбается:

– Да нет, постою. Чем я лучше других?

Выстаивает до конца. Покупает положенную в одни руки норму и уходит.

Вслед шепот:

– Надо же, в очереди стоял, а ведь секретарь партии.

Таким остался в памяти простого народа – скромным и интеллигентным человеком.

...Наша беседа подошла к концу. На прощанье пытаюсь, как истинный журналист, выяснить отношение старого партийца к политике сегодняшнего дня. В ответ слышу нечто, мол, это уже не его дело. Есть молодые, достойные, которые, в конце концов, сделают из нашей страны великую державу.

- А вы сейчас член компартии? – интересуюсь.

- Конечно, зря, что ли до сих пор ношу осколки в ногах?

– То ли спросил, то ли констатировал он.

Ни ветеран, ни я тогда еще не знали, что в 2012 году Ржевскую битву «новоявленные историки» полностью исключат из 12-томного издания «Истории Отечественной войны», посчитав это событие малозначительным...

Весной 1997 года Николай Федорович Баженов тихо умер в своей квартире.

«СКЛОНЕН К ПОБЕГУ»

Еду раздавали бесплатно и много. Мясные и рыбные консервы, паштеты, галеты, хлеб, колбаса в специальных упаковках – все это находилось в кузове автомобиля, куда рвались все заключенные, способные еще ходить. Они отталкивали друг друга, а если кто падал, то затапывали ногами. На лицах был звериный оскал, бессмысленный взгляд. Всеми двигало только одно желание: добраться до пищи и жрать, жрать, жрать ее, жрать до последней крошки, чувствуя, как она оседает в желудке давящей тяжестью. Андрею Гаравскому это не удалось. Ослабевший организм не имел больше сил сопротивляться озверелой толпе. Тихо скуля, узник опустился на землю и потерял сознание. Это спасло ему жизнь. Те военнопленные, которые отведали американских деликатесов, как выяснилось позже, умерли от заворота кишок. Их организм не выдержал такого количества пищи, которой не получал последние два-три года.

Выздоровливал бывший заключенный долго и медленно в лагере для перемещенных лиц, который находился в западной зоне, освобожденной от фашистов американцами. А когда он смог адекватно отвечать за свои действия, стал упрямо проситься домой, в Россию. И, в конце концов, добился своего.

...15-летний паренек из небольшого белорусского села, который был захвачен немцами в начале войны, ничего не понимал в стратегии и тактике. Советских войск он не видел, как не видел и немецких. Просто приехали какие-то люди и доходчиво, по-русски объявили о новой власти, новом порядке. Ему и матери приказано

Борис Карташов

было явиться в комендатуру для регистрации. Они явились ровно в назначенный срок – привыкли, что власть нужно слушать беспрекословно. Их определили во вновь созданный немцами колхоз на уборку картофеля. Жили в бараках, которые, кстати, почти не охранялись. И это был соблазн. Соблазн побега. Паренек к этому времени уже понимал, что такое фашизм, война. Его воображение будоражила партизанская жизнь, о которой шепотом и тайком рассказывали бабы и такие же, как он, пацаны.

Решение бежать возникло спонтанно. Вечером после работы он вышел из барака и подался в поле, где пролегал большак.

Схватили утром на следующий день. Два полица вытащили из стога сена, отдубасили, и отвели к своему начальнику. Тот приказал отправить в лагерь для военнопленных, который находился недалеко. Напрасно юноша доказывал, что он никогда не служил в армии, что живет в соседнем городке, там мать.... Но его рост, а был не по годам высокий, спортивное телосложение сыграли злую шутку – его приняли за молодого солдата. Так он стал военнопленным.

Через несколько месяцев парень повторил побег уже с двумя подельниками. Компанию взяли неделю спустя, продержали немного в местной тюрьме и оформив соответствующие документы, отправили на запад. Так он попал в концлагерь с пометкой в сопроводительных документах: «склонен к побегу». Это и решило его судьбу. В лагере определили в отряд, подлежащий уничтожению в крематории. Нет, специально их не убивали и не расстреливали. Они просто постепенно умирали от непосильного труда, голода и холода. Так Андрей

Борис Карманов

просуществовал почти три года. В возрасте 18 лет весил 32 кг. Последнее время плохо понимал, где он, что делает. Хотелось только есть.

Сознание прояснялось лишь на вечерних проверках. Состояла она в следующем: нужно было пробежать по тротуару перед бараком, который лежал не на земле, а висел в сантиметрах двадцати над ней и качался. Пробежать – это сильно сказано; пройти, проползти, так вернее. На другом конце стояли конвоиры с железными крюками. И если считали, что ты не жилец, - отбрасывали вправо, в крематорий, если позволяли жить дальше, давали шанс заскочить в дверь барака. Откуда бралась у него в этот момент сила, не знает до сих пор, но дорожку до барака побеждал всегда. Вплоть до освобождения.

Представитель советских вооруженных сил в лице майора контрразведки был усталым пожилым человеком. Увидев парня, которого шатало от ветра, выслушав рассказ о прошлой жизни, решил судьбу юноши радикально – отправил в Россию. Добирались они два месяца – шли колонной пешком до Урала. Там объявили, что все они участники всесоюзной стройки. Нет, это были не сталинские лагеря, но документы, удостоверяющие личность, выдали только через пять лет. Тогда же разрешили ехать, куда захотят. Он отправился в Сибирь.

Заслуженный строитель России, кавалер многих советских орденов и медалей, он вырастил троих сыновей, дождался восьмерых внуков. На пенсии. Заядлый рыбак. О военном лихолетье напоминает номер, наколотый на руке.

СЫН ПОЛКА

Иосифу Качинскому повезло. Из - под печки, единственного строения, оставшегося от избы, которую сожгли каратели, его вытащил артиллерист, оказавшийся земляком – белорусом. Это и предопределило дальнейшую судьбу 12-летнего парнишки, сироты, после того, как их деревню уничтожили фашисты.

Спаситель, которого звали дядька Петро, добился невозможного: мальчишку оставили при батарее, определив сыном полка. Юзик жил вместе с солдатами в казарме. Ему справили военную форму и повелели находиться при лошадях, которые таскали артиллерийское орудие на позиции. Руководил этим делом как раз дядька Петро. Спуску парнишке не давал, поэтому солдатскую пайку новоиспеченный сын полка отрабатывал сполна: кормил, убирал, чистил животных, попутно выполнял поручения командира орудия.

Прошло несколько месяцев. Однажды (они базировались в небольшом селении под Берлином) батарее пришлось принять бой. Немцы ожесточенно оборонялись. Необходимо было предупредить командира артиллерийского дивизиона о передислокации противника. С таким поручением отправили Юзика, благо штаб находился недалеко. Парнишка выполнил приказ, но, возвращаясь, получил пулю в ногу.

В госпитале ему сообщили приятную новость: он представлен к правительственной награде – медали «За Отвагу», самой уважаемой в солдатской среде. Вручая награду, командир дивизиона сказал:

– Молодец, ты нам, как взаправдашний сын, но

рисковать мы тобой больше не можем. Поедешь в суворовское училище - тебе учиться надо.

Так Юзик оказался в глубоком тылу. Однако суворовская военная дисциплина не понравилась бывшему сыну полка. Его взрывной, независимый характер никак не мог смириться с новой жизнью. Качинский убежал из училища. Мотался по городам и весям, беспризорничал. В конце – концов, за мелкую кражу попал в милицию. Два года в детской колонии отбыл от звонка до звонка.

Кадровик лагеря, вручая сопроводительные документы пареньку, предложил пойти в ФЗО. Там обучали профессии и, что самое главное, одевали и кормили за счет государства. Юноша согласился. Там он выучился на тракториста и отправился осваивать далекую Сибирь.

Работал в коммунальном хозяйстве. Женился, родились дети. О своем фронтовом детстве никому не рассказывал, кроме жены. Та, как-то во время празднования Дня Победы, похвасталась профсоюзному лидеру, что ее муж был сыном полка и награжден медалью. Тот заинтересовался. Спустя некоторое время, вызвал Иосифа к себе, поинтересовался:

– Где медаль-то?

– Так, в суворовском училище осталась, – развел руками Юзик.

Спустя год бывшему сыну полка торжественно была возвращена фронтовая награда, и он был внесен в списки участников Великой Отечественной войны.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

В палате Виктор Матвеевич создавал много шума: то кипятил в кружке чай, приглашая всех присоединиться к нему, то начинал разговаривать громко, не выбирая выражения, то «ревизировал» свою тумбочку, разыскивая колоду карт, которой впоследствии играли в «тысячу». В общем, был в центре больничной жизни. Судя по разговору, он вроде бы был участником Великой Отечественной войны, но специфический, блатной жаргон, присутствовавший в его речи, смущал, предполагая, что войну он провел в местах не столь отдаленных.

Его откровенный монолог о жизни солдата, а потом зека случился как бы сам собой. Просто возник предмет разговора. Им оказалась война. И на завтра было 9 мая – День Победы.

– Мне сразу не повезло: попал во 2-ю ударную армию под командованием Власова. Воевали, а вернее сказать, выживали трудно. Поверишь, вместо боевых, выдавали деревянные гранаты, покрашенные в черный цвет. Винтовка была одна на отделение. Повезет, убьет твоего товарища, может, и достанется тебе боевое оружие, нет – будешь ждать следующего боя, и если тебя не убьют, то...

Был вторым номером у пулемета «максим». Да, вот пришлось подержать это «чапаевское» оружие в руках. В общем, через несколько дней боев, я был уже экипирован по полной программе. Но тут убили моего первого номера и, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло, отправили меня на переподготовку в тыл. За это время армию объявили предательской, и

оставшихся в живых солдат отправили на переформирование. Так я оказался уже на Ленинградском фронте. Трижды был ранен, валялся по госпиталям, кормилшей в окопах. Всякое было. К концу войны оказался недалеко от Берлина. А когда объявили об окончании боевых действий, решили с «корешами» широко отметить это знаменательное событие. Выбрали небольшой магазинчик в городе, взломали двери и стали пьянствовать прямо в помещении склада. Через какое-то время потянуло на девочек. Их нашли в соседнем доме. Они не отказывались, кажется, даже довольны были. На третий или четвертый день (все происходило в пьяном угаре) проснулись, а спиртное кончилось. Полезли за ликером, там, в основном, ликер был, такой сладко-приторный. Тут нас и прихватил военный патруль. Как уж так получилось, не знаю. Приписали нам по полной: самовольный уход из части, грабеж и разбой гражданского населения, изнасилование. Видимо, кому-то нужна была показательная кампания. Впаяли всем по совокупности – по 10 лет, лишили наград и званий, (жаль медаль «За отвагу») и отправили этапом в далекий город Лабытнанги, что у Ледовитого океана. Вот так я отметил День Победы. Отсидел полностью. Вскоре залетел опять на 7 лет и тоже по - пьяни. Получил инвалидность. Вот с тех пор – или по подвалам, или по теплотрассам бичую. В перерывах отдыхаю в больнице, когда не вмоготу. Ни о чем не жалею. Жизнь прожил, а хорошо или плохо – не мне судить. Это дело божье.

Он ловко одной рукой, вторая отсутствовала, выдернул из-под матраца колоду карт:

– Сыграем, что ли? – и стал раздавать карты.

БАНКЕТ

Василий, так звали местного бомжа, появился на банкете, когда убеленные сединами и одетые в праздничные наряды, увешанные орденами и медалями дедушки и бабушки, уже чинно сидели за столами, уставленными различными яствами, которые они не только видели впервые, но и не слышали никогда их названия. Одет бомж был в телогрейку, ботинки на липучках, явно чужие, которые сейчас никто не носил, и вязаную шапочку. Возраста был неопределенного в силу грязного, давно небритого лица и нестриженных волос. К нему торопливо подошел организатор празднества, чтобы выяснить причину появления непрошеного гостя.

Было видно, что гость пьян. Не отвечая на вопросы, подошел к крайнему столику, налил в пластмассовый стаканчик водки и выпил. Возмущению представителя власти не было предела. Он пытался произнести обличительную речь, но его остановил старый вояка с множеством орденских планок на пиджаке, сидящий за этим злополучным столиком.

– Отстаньте от него! Это тоже участник войны. Не видно, что ли? Правда, уже несколько лет как живет то в теплотрассах, то на дачах, в общем, бомжует, - все присутствующие на банкете притихли, прислушиваясь к этому монологу. - Ну, судьба так сложилась. Мужик - то безобидный. Но пьет... немерено. Так пьяный, наверно, и помрет... Да..., жизнь пройти – не поле перейти. Ох, как точна эта пословица у нас на Руси.

Он налил в стакан еще водки, подал бывшему солдату. Тот, пьяненько улыбнувшись, поблагодарил и

Борис Карманов

выпил. Затем ловким движением поставил в карман бутылку с остатками спиртного и, ничего не сказав присутствующим, вышел на улицу, где его ждали товарищи по жизни, такие же бомжи. Вскоре сквозь приоткрытые окна участники торжества услышали: «...так зачем я на свет появился, так зачем меня мать родила».

А через неделю по сводкам райотдела милиции прошла информация о ненасильственной смерти пожилого человека, которого нашел патруль на молодой весенней травке с тыльной стороны обелиска героям Великой Отечественной войны.

«РУС ИВАН»

На неё без улыбки нельзя было смотреть, особенно, когда похлопывала себя по округлившемуся уже животу, старательно выговаривая, «Рус Иван, Рус Иван». Так она показывала, что будущий отец ребёнка русский солдат. Зла на него не имела. Её практичный ум говорил, что победители всегда правы: так воспитывал их фюрер. Даже тогда, когда молоденький безусый мальчишка в военной форме, бормоча что-то ласковое, пригласил её в сарай. Она не сопротивлялась, наоборот, хотела этого, как женщина. Прагматичная немка думала о своей дальнейшей судьбе. Знала: беременных девушек от русских солдат берут на довольствие советские комендатуры. Продуктов, получаемых по продаттестату, хватало не только себе, но и родственникам.

Марта приходила в здание комендатуры каждый понедельник, как на работу, что практически так и было. Помогала убирать помещение, стирала солдатское бельё, в общем, старалась отблагодарить за заботу и помощь. Её знали все: от рядового до командира. Каждый старался сказать ласковое слово, проявить максимум внимания, помочь. Когда наступило время рожать, волновался весь личный состав.

Роды, на удивление, прошли хорошо. Появившийся на белый свет мальчик громко кричал, словно требовал к себе особого внимания.

– Ты смотри, какой горластый, – отрезая пуповину, добродушно пробасил фельдшер, – боевой пацан вырастет.

Молодая мама с умилением смотрела на появившийся комочек её плоти, ворковала что-то по-немецки, поглаживая сына.

...Шёл 2005 год. Наша делегация туристов волею судеб оказалась в том самом немецком городке, где проходили те давние события. В гостинице нас встречал хозяин отеля – мужчина средних лет. На сносном русском языке он объяснил, что сегодняшней обед будет за счет заведения, и, что на нём хотела бы присутствовать его мама – фрау Марта. Делегация, конечно, согласилась.

Обед прошёл «на ура». Мы с любопытством поглядывали на пожилую женщину, которая держалась торжественно и чинно, с явным удовольствием рассматривая нас. Когда трапеза подошла к концу, в зале появился хозяин гостиницы и сказал, что его мама хочет выпить с русскими туристами водки, которую тут же принесли официанты. Старая немка встала и начала говорить на своём языке, затем чокнулась своей рюмкой с каждым из нас, приговаривая при этом:

-Спасибо рус Иван, спасибо.

На наш вопрос, чтобы это всё значило, сын объяснил:

– Это ее традиция приглашать на обед русских, посетивших первый раз наш город.

ТРУЖЕНИК ТЫЛА

– Митька, Мить, смотри, кто-то на лошади скачет, наверное, к нам,- кричит босоногий мальчонка Митьке Букаринову, бригадиру полеводческой бригады колхоза имени Алексея Стаханова, работавшей на прополке буряка на дальних полях.

Но всадник мчится мимо и уже вслед как эхо, доносится:

– Во-й-на!

«С кем? – растерянно думает бригадир, – ведь недавно еще в школе говорили, что мы самые сильные. Красная Армия непобедима. Кто же это такой наглый?»... Так началась война для простого деревенского паренька.

Семья Букариновых по меркам того времени считалась средней: батька с матерью, бабка с дедом, пять сестёр, да он – Митька, старший среди детей, отроду которому было в июне 1941 года 12,5 лет. Через месяц ушёл на фронт отец, главным работником и добытчиком в доме стал он. Надо было кормить семью. Как-то само собой пришло решение бросить школу, учиться придётся потом, после войны. А сейчас надо работать без выходных, с раннего утра до позднего вечера, тем самым приближать День Победы. Где только ни трудился: весной пахал землю, летом пас коров, косил траву, осенью - уборка урожая, зимой заготавливал лес для нужд колхоза. Ловко научился обращаться с лошадьми, лихо гонял в «ночное», управлялся с косилками и молотилками. В общем, к концу войны стал незаменимым работником на селе. В 1945-ом рвался на фронт, не взяли – нужен в колхозе.

Окончание войны запомнилось как большое событие: председатель разрешил не работать их бригаде (в ней были только подростки 11–16 лет) целый день. Вот это был праздник! Григорьич, так стали к тому времени с уважением звать его односельчане, до сих пор с волнением говорит о том далёком, счастливом дне, и из-под густых седых бровей в глазах сверкают слёзы.

Порадовались... И опять начались трудовые будни – надо было давать Родине всё больше и больше хлеба, мяса, молока. Сами кормились, в основном, с реки и леса (на трудодень-то ничего не давали). Вскоре с фронта вернулся домой израненый и контуженый отец. Немного отлежался и - за работу. Потихоньку деревня оживала. Вновь зазвенели детские голоса по улицам, вечерами молодежь стайками кучковались на завалинках домов – пели песни, плясали. Так прошло четыре года.

Вскоре пришла долгожданная повестка в армию. Попал в Берлин, служил фельдъегерем в штабе маршала Чуйкова.

– Не воевал, а в Берлине побывал, – смеется Григорьич.

Вернулся через три года в родную деревню. Посмотрел и ужаснулся: колхоз-то стал жить хуже, чем до войны.

...Решение сменить место жительства пришло спонтанно: родственники, живущие в соседнем райцентре Кондинское (ныне городское поселение Октябрьское), прислали письмо, пригласили погостить. Уволенный в запас ефрейтор Букаринов приехал к ним и решил обосноваться на новом месте. Пошёл в военкомат встать на учёт. Туда же устроился работать делопроизводителем. Прослужил, правда, недолго. Тогда было принято

Борис Карташов

посылать в колхозы и совхозы уполномоченных от райкома КПСС (в партию вступил в армии) для проведения линии партии и контроля за ходом посева или уборки зерновых. Конечно, они больше мешали, чем помогали. Предложили и Григорьичу. Хотя сельское хозяйство знал хорошо – отказался. Понимал, что это ни к чему полезному не приведёт. В райисполкоме вначале опешили, затем разгневались, исключили из рядов партии «зарвавшегося сопляка» на год (была тогда такая мера наказания) и уволили из военкомата. Куда он только ни пытался устроиться на работу – под разными предложениями не брали. Как объясняли: попал в черный список. Но, в конце концов, смог всё-таки устроиться простым монтером в районный узел связи. Через некоторое время начальник заметил инициативного молодого человека, трудившегося на совесть. Втихаря от начальства послал на курсы повышения квалификации почтовых работников.

По окончании Григорьич получил назначение начальником почты в одно из отдаленных национальных поселков (к этому времени его восстановили в рядах КПСС). Так начался третий этап его жизни – работа в Октябрьском узле связи, где проработал 30 лет.

Ему пришлось создавать изначально почтовое дело в районе: организовывать отделения в посёлках, расположенных вдоль Оби, телефонную связь, доставку писем, посылок, бандеролей. Внедрять новое – перечисление денежных средств населения по телефону и многое другое. Тогда это было первостатейное дело. Существующие ныне почтовые отделения в Нягани, Приобье, остальных поселках района обязаны своим появлением Григорьичу.

Борис Карманов

В 1981 году Дмитрия Григорьевича Букаринова переводят заместителем начальника Советского узла связи, где он и проработал до выхода на пенсию. Заядлый рыбак, регулярно плетет сети, хозяйничает по дому, ухаживает за огородом, охотится. В его ведении большой двор, мастерская, теплицы. Без дела не сидит ни дня.

КАРТИНКИ ПРОШЛОГО

«Нет более зловещего сочетания в этом мире, чем дети и война...»

Последние годы ее часто приглашают в январе, когда отмечается дата прорыва блокады Ленинграда, в школы города поделиться воспоминаниями перед учениками о том далеком времени.. И каждый раз она волнуется, рассказывая как все было, вновь и вновь переживая те страшные дни.

...Лене Семеновой было семь лет, когда началась война. Семья жила в поселке на берегу Финского залива, в последствии эта территория получила название «Ораниенбаумский пяточок» или «Ораниенбаумский плацдарм».

Вот что говорится в энциклопедии Великой Отечественной войны: **«Великий подвиг совершили защитники плацдарма – красноармейцы, краснофлотцы, командиры и политработники. В условиях невероятно трудных, не имея достаточного количества не только тяжелого, но и легкого вооружения, находясь на голодном снарядном и патронном «пайке», испытывая всевозможные лишения, они мужественно сражались на последних рубежах перед Ораниенбаумом и Красной Горкой. Героические контратаки солдат 8-й армии, моряков Балтийского флота и ополчения посеяли растерянность в рядах уже измотанных в боях, обескровленных фашистских дивизий. Враг не продвинулся дальше ни на шаг и вынужден был перейти к обороне».**

Именно в Красной Горке и ютилась семья Семеновых, где осенью 41-го и зимой 42-го шли ожесточенные

бои. Их эвакуировали только в марте: бабушку, мать, брата и трех сестер. Лена была младшей, может быть, поэтому вспоминаются то время и события кусками. Но картинки прошлого остаются яркими, как будто все было вчера.

... Вот их везут через Ладожское озеро в кузове машины. Колеса почти полностью в воде. Пряча голову, девочка прижимается к матери. Вокруг все взрывается: брызги, свист осколков от разрывающихся снарядов. Впереди и сзади вереница машин с людьми. Крики, стоны, плач.

...Затем погрузка в вагоны, которые в народе называли «телячьи», видимо, потому, что когда-то в них возили скот. Ехали долго, спали прямо на полу, питались тем, что захватили из дома. Когда кончалась еда, на редких остановках меняли что-нибудь ценное на продукты.

...Многие болеют и умирают. Их либо выбрасывали на ходу из вагонов, либо оставляли мертвых на немногочисленных остановках состава поезда. Запомнилась женщина с подростком. Он подхватил, видимо, простуду и, спустя два дня, умер. Мать зашила своего ребенка в одеяло и вынесла на насыпь железнодорожного полотна (была неожиданная остановка). Однако состав простоял трое суток, и все это время его труп использовался как ступенька в вагон. Девочка видела, что даже его мать наступала на тело сына, поднимаясь и спускаясь из теплушки, не выражая при этом никаких чувств.

...Прибыли в Тюмень. Всех выгрузили и повели куда-то на окраину города. Поселили в помещении бывшей школы. Там все блокадники ждали отправки на Крайний Север – так распорядилось начальство. В это

Барис Карташов

время заболела и умерла от дизентерии бабушка. Через несколько дней поднялся жар у матери, и ее увезли в больницу. Диагноз – тиф. Старшие сестры и брат каждый день ходят ее проведывать.

Вскоре была сформирована партия для отправки в Салехард. Дети слезно умоляли врача отпустить мать вместе с ними. Уговорили: женщину положили на носилки (у нее отказали ноги, как впоследствии выяснится, до конца жизни) и вместе с детьми погрузили на паром, где они проведут много трудных дней и ночей.

...Ещё картинка: барак в поселке почти на берегу небольшого залива, что у Северного Ледовитого океана. Мать на костылях. Они обустроивают комнату, в которой придется прожить много лет. Запомнился длинный коридор, где можно было бегать и играть. В соседях такие же блокадники. А вместе с ними «враги народа», вербованные, бывшие уголовники.

... Ей 10 лет. Ура! Лена идет в первый класс. Новые друзья, заботы, учеба. Семилетку окончила хорошисткой. И как бы тяжело им ни жилось, мать отправила ее в Салехард, учиться в педагогическом училище. И вот она - дипломированный учитель. Дальше все, «как у людей»: работа, знакомство с будущим мужем, свадьба, рождение дочерей.

Поиск лучшей доли. Приглашение поработать в Доме пионеров, во вновь созданном районном центре – Советском, что на железнодорожной ветке Ивдель – Обь, где она проработала до пенсии.

Нет, не привыкла Елена Гавриловна Сидорова сидеть, сложа руки. Летом копается в огороде, нянчит правнуков. Состоит в правлении ветеранской организации, помогает улучшать бытовые условия ветеранам

Борис Карманов

Великой Отечественной войны. А в день годовщины снятия блокады Ленинграда готовится к встречам с детьми, жителями города и района для того, чтобы рассказать им о тех днях. Чтобы помнили...

ШЕСТЬ ЧАСОВ ОККУПАЦИИ

Немцы появились в этом украинском селе утром. Люди только что управились с домашним скотом, возились в садах, огородах, завтракали. Первыми по улице проехали мотоциклисты, следом грузовая и легковая автомашины. Они столпились у здания сельсовета, оживленно разговаривая между собой.

Шестилетний мальчик выглядывал в окно, с любопытством рассматривая чужих людей в военной форме. Еще его интересовали мотоциклы – видел впервые. Мать отгоняла от окна, бегая и охая по комнате. Что-то прятала, переключившись с места на место, нервничала, не зная, чего ждать от непрошенных гостей.

...В хату вошли трое. По-хозяйски прошлись по комнате, заглянули во все дворовые постройки. Затем офицер взмахом руки приказал хозяевам покинуть дом.

– До 14 часов, – на ломаном русском, отрывисто сказал он.

Мать торопливо подхватила ребенка на руки, бросилась вон. На улице было уже много односельчан. Галдели солдаты, собравшиеся у колодца. Умывались, пили воду, кто-то лежал в тени фруктовых деревьев. Окрик старшего по званию заставил их встрепенуться. Выслушав приказ, двинулись к сельсовету. Через некоторое время выволокли оттуда двух женщин и потащили на окраину села, где стояли скирды соломы.

Стояла звенящая, напряжённая тишина. Мальчик прижался к матери и застыл в ожидании чего-то плохого. Раскаты автоматной очереди взорвались, как гром среди ясного дня. Хором взвыло всё село. Детский плач, рыдание женщины и старух, мат стариков – всё смешалось разноголосьем. Так народ отреагировал на гибель

председателя и бухгалтера, которые числились на этих должностях всего две недели.

Три молодые девушки, заламывая руки, бросились к скирдам, где лежали расстрелянные. Бабы, пытаясь остановить их от опрометчивого шага, не пускали – расстрелянных охраняли солдаты, всем своим видом показывая решительность в выполнении приказа. Девушки, а это были дочери убитых, убежали. Спустя время опять раздалась очередь: теперь у скирды лежало пять трупов.

- Не дают забирать и хоронить до вечера, – шёпотом передавали бабы, – даже дочерей убили, ироды.

Малыш устал от испуга и напряжения, но от матери не отходил ни на шаг. Вместе они стояли, прислонившись к яблоне, не зная, что предпринять.

«Когда же наступит 14 часов. Как об этом узнает начальник солдат, если он на улице, а часы висят в хате? Сквозь стену же не видно» – думал он.

Не заметил, как заснул. Его разбудили громкие голоса и шум моторов мотоциклов. Немцы усаживались в них и колонной двинулись из села к большаку. Замыкала вереницу легковая машина.

Люди еще долго боялись входить в свои хаты. Боязливо, то один, то другой заглядывали во дворы, окна. В их доме на удивление был порядок. Немцы ничего не тронули. Более того, на столе лежало несколько банок консервов и круг колбасы.

– Давай вечерять, – как ни в чём не бывало, сказала мать и стала собирать на стол ужин.

Уже засыпая, мальчик подумал: «Интересно, тётёнок закопали или нет. Если нет, то по ним мухи же будут ползать».

Так закончилось шесть часов оккупации. Шёл июль 1941 года. Больше в селе не было ни одного немецкого солдата за всю войну.

НЕОБЫЧНАЯ ВСТРЕЧА

Седоволосый, немолодой мужчина, прихрамывая, медленно шел по улице. Вот он зашел в здание, на котором было написано: «Редакция газеты...» Он прошел в свой кабинет, разделся, вызвал секретаря.

– Добрый день, Надюша. Для меня есть что-нибудь?

– Как обычно, Антон Васильевич, почта.

– Ну, хорошо, спасибо, – и Веселов начал просматривать письма, газеты.

В одном из писем его взгляд остановился на фамилии «Воронцов». Внимательно пригляделся, прочитал: «...Лучший рабочий леспромхоза Воронцов Илья Андреевич». В памяти, как наяву, всплыли давно минувшие события. Антон Васильевич ясно представил себе лето 1941 года. Перрон вокзала, крики, плач, песни. Он стоит рядом со своей Анюткой. Она вся в слезах. Только беззвучно шепчет:

– Береги себя, береги...

Команда: «по вагонам». Две недели в пути. Фронт. Здесь он и познакомился с политруком Воронцовым. Подружились, на привалах говорили о семьях, о победе.

Антон Васильевич очнулся от воспоминаний, встал, вышел в приемную.

– Надюша, мне что-то нездоровится, пожалуй, пойду домой, отлежусь.

Дома сел в кресло, задумался. В голове всплыли события давно минувших дней.

...Тот бой был страшный. Танки шли черной тучей. От взвода уже осталась малая горстка бойцов. А танки все прут и прут. Антон сидел в окопе, приготовив последнюю связку гранат, внимательно всматриваясь в надвигающееся железное чудовище. Приготовился к броску.

Вдруг перед танком выросла фигура солдата. Веселов узнал Илью Воронцова. Раздался взрыв. Это последнее, что он видел. Что-то толкнуло в грудь, потемнело в глазах, и он потерял сознание.

Очнулся Веселов от грубого толчка. Говорили по-немецки, Антон понял – плен. Смутно помнил первые дни жизни в этом кошмаре. Побои, издевательство надзирателей – сейчас вспоминались, как страшный сон.

Спустя несколько месяцев, он встретил Воронцова. Да, это был его политрук. Обросший, исхудалый, но живой – Илья. Первый вопрос при встрече : «Что думаешь делать, солдат?»

Потом они устроили побег. Веселов и Воронцов пришли к партизанам в интернациональный отряд. Вскоре Воронцов стал командиром его роты.

...На них наступали каратели. Воронцов оставил с собой группу лучших бойцов.

– Остальным отходить.

Антон видел, как он, поднявшись во весь рост и с гранатой в руках, пошел навстречу немцам. И, наверное, погиб. Это рассказали жители, которые подобрали Веселова раненого. Они же и выходили его.

... После окончания войны вернулся на Родину. Но память о политруке Илье Воронцове пронес через все годы. И вот сегодня увидел его фамилию в газете. Сходились имя и отчество. Решение пришло сразу. Быстрые сборы и в путь.

Антон Васильевич прибыл поездом на станцию назначения поздно вечером. Дождлся рассвета.

– Ребята, скажите, где живет Воронцов Илья Андреевич, – обратился к группе мальчишек, появившихся на вокзале.

Борис Карманов

– Пройдете прямо, там, в конце улицы, с резными окошками – это его...

– Да, да, войдите, – раздался за дверями женский голос. Сдерживая волнение, Веселов переступил порог избы.

– Вам кого? – поднялась навстречу молодая женщина. Антон Васильевич смешался.

– Да я, собственно, к Илье Андреевичу.

– Он на работе в ночную смену, скоро придет. Да вы присаживайтесь. Разговор не клеился. Гость осматривал комнату, хозяйка нервно теребила кончики платка.

– А вот и муж.

Веселов встал, его опять охватило волнение. В комнату вошел мужчина, примерно одного возраста с ним. Антон Васильевич удивленно смотрел на него. Нет, он не походил на того Воронцова, вернее, это был не он.

– Здравствуйте!

– Илюша, это к тебе, – сказала жена.

– Я сейчас, только умоюсь.

И вот они сидят за столом, пьют горячий чай. Илья Андреевич тихим голосом рассказывает.

– Ведь я был с ним в концлагере. Моя фамилия не Воронцов, а Туликов. Илья Андреевич Туликов. Вашего друга доставили к нам в лагерь раненым. У него были прострелены обе ноги. Он рассказал мне о себе, о семье. И попросил, чтобы я навестил ее (если останусь жив). Мы тоже готовили побег, который удался. Пробились к своим. Потом я участвовал в освобождении этого концлагеря и узнал, что Воронцов погиб.

После войны приехал сюда, к Евгении. Так получилось, что мы полюбили друг друга, поженились. Взял фамилию жены. Так я и стал Воронцовым Ильей Андреевичем.

Борис Карманов

... В город автобус уходил через полчаса. Надо было спешить. Антон Васильевич поблагодарил хозяев за гостеприимный прием. На День Победы пригласил нового знакомого Воронцова к себе в гости.

НА ВОКЗАЛЕ

В город, куда был командирован Иван Сапрыкин, поезд прибыл ночью. Гостиница – далеко, да и ни к чему (командировка всего на сутки). «Перебыюсь в зале ожидания вокзала», - решил Иван, направляясь к свободному месту. Усевшись поуютнее, достал письмо, из-за которого прибыл сюда, еще раз перечитал. Но сосредоточиться не мог.

Огляделся по сторонам. Пустой зал, казалось, вымер, и потому даже тихий разговор был слышен отчетливо. Неподалеку сидел пожилой человек с молодой женщиной и ребенком.

– Может, все-таки мне не ехать, Ирина? – настойчиво спрашивал мужчина. – Зачем лишняя обуза?

Женщина недовольно поморщилась:

– Опять ты за свое, ведь собрался уже...

– Поехали, дедушка, поехали, – уцепилась в рукав девочка, – ты же обещал.

Тот, тяжело вздохнув, замолчал. Чувствовалось, что в его душе идет внутренняя борьба. Сапрыкин, то ли, чтобы скоротать время, то ли от природного любопытства поинтересовался:

– В гости приглашают?

Человек взглянул на него с удивлением, словно подслушали его тайные мысли.

– Да нет, жить, к себе вот дочка, зовет...

Он встал, подошел к Ивану. Только сейчас Сапрыкин заметил, что собеседник прихрамывает.

– Ну, если зовет, то езжайте.

– Так ведь чужой я им.

– Ты опять за свое, отец... – перебила его женщина, которая, видимо, прислушивалась к их разговору. Мужчина замолчал, задумавшись о чем-то своем.

– Давно здесь живете? – спросил Иван.

– Да с войны...

– С войны?! – удивился Сапрыкин.

– Если у вас есть время, то расскажу... Воевал я здесь, обороняли этот город, тогда это был железно-дорожный узел. Здесь же попал в окружение: ранило в ногу. Заполз в какой-то подвал, перевязал рану и жду, когда последний бой принимать придется. Вдруг слышу чей-то тоненький голосок:

– Дяденька, ты русский? – Оглянулся: в углу под кучей тряпок сидит девочка лет девяти – десяти.

– Русский, – говорю, – только раненый.

– А у меня бомбой маму убило и братишку. Одна я здесь живу, – как -то не по-детски говорит она.

Меня в дрожь бросило:

– И давно ты здесь?

– Три дня, но у меня сухари есть и картошка, только сырая.

Ну, думаю, попал ты, брат, в переплет. Был бы один, так и умереть не страшно, а тут ребенок. Однако прожили мы с неделю спокойно. Рана немного затянулась, ходить потихоньку начал. Пора и через линию фронта подаваться, а куда Ирину денешь (девочку так звали)? Ведь фашисты в городе...

Но через неделю выбили наши войска немцев. Пришел я в часть, доложил, как положено, и в медсанбат. Ирину в детский дом отправили на Урал. Адрес ей свой оставил. Писала она мне, я, конечно, отвечал, иногда посылочки отправлял.

Войну закончил в Польше, – опять ранили, теперь серьезно. Списали по чистой. Куда, думаю, податься. Один я (мать с отцом еще до войны умерли). Ну и махнул к Ирине на Урал. «Проведаю, – рассуждаю, – гостинцев отвезу». Приехал в детдом, спрашиваю ее. Подходит ко мне девушка, худенькая, в валенках, глаза тоскливые – тоскливые, смотрит, словно ждет чего-то. У меня сердце захолонуло.

– Поедешь со мной жить? – спрашиваю. А она тоже с вопросом:

– Ты меня не бросишь?

В общем, приехали мы в ее город (Ирина настояла, мол, мама с братом там). Устроился на работу, Ирина – в школу. Так и жили. Жениться не сумел, да и боялся: ревновала меня девочка ко всем. Не заметил, как выросла, институт окончила. А тут и суженый нашелся. Тоже инженер. Внучка появилась. Мужа Ирины вскоре перевели работать в другой город. Конечно, и она с дочкой – следом. А я не могу уехать, уж слишком многим связан с этим городом. Ирина все в письмах к себе звала, а я не решался. Ну, вот они и приехали за мной. Только, чего греха таить, думаю, обуза им лишняя зачем? Вот и не знаю, что делать? – мужчина поглядел на Ивана, словно спрашивая совета.

– Пора, отец, на поезд, – окликнула его женщина.

– Ну да как? – переспросил он, но, не дождавшись ответа, махнул рукой и пошел к своим.

Сапрыкин хотел ответить, но, видя, что на него уже не обращают внимания, подумал: «Странный старичок, даже звать не сказал как...».

ВОЙНА ПРОШЛА СКВОЗЬ НАШИ ДУШИ

Любая война ни для кого из людей не проходит бесследно, и на каждом из них оставляет свой глубокий отпечаток, который останется с ними до конца жизни.

Колоритных, по - своему интересных личностей - фронтовиков в поселке после войны было много. Они появлялись с каждым оргнабором. Местные копировали их повадки, привычки, над ними посмеивались.

Одно время жили у нас «конструктор», «авиатор» и «геолог». Первый всем рассказывал, что вот - вот сконструирует машину – робот, которая будет замещать лесорубов на деляне. Дело осталось за двигателем, который сжигал бы не больше литра бензина за рабочий день. Так и конструировал он несколько лет мотор, пока не закончился контракт по вербовке. Уехал.

Второй – «работал» над сверхсекретным дирижаблем. Третий все искал спрятанное золото адмирала Колчака. По интуиции.

А вот капитан в отставке Рогожкин в поселке запомнился не творческими изысканиями, а оригинальностью поведения и манерой разговаривать.

И хотя бывший капитан имел начальное образование, работал на лесопункте мастером нижнего склада. По местным меркам этой высокой должности сподобился благодаря членству в партии. Воевал – то храбро и честно. Вступил в коммунистическую партию на фронте.

Рогожкин привлекал внимание жителей поселка маленьким ростом и огромной плечиной. А его речь? Это был быстрый набор нечленораздельных звуков, перемешанных матерными словами, которые понимал

Борис Карманов

только он сам. На любых собраниях Рогожкин всегда просил слова и «светился» за трибуной до тех пор, пока председательствующий не начинал стучать по стакану, мол, хватит – твое время вышло.

Разобрать, о чем говорил мастер, было трудно. Но отдельные слова: «поняешь» и «ептать» слышались отчетливо. Первое слово он употреблял так часто, что в поселке его очень скоро так и стали называть «Поняешь»

Мат у мастера был трехэтажный. Не каждый мог, например, додуматься до словосочетания «ебенахуй». Рогожкин мог!

Жизнь «Поняиша» оборвалась неожиданно. После очередного запоя он повесился. Для всех это был шок. Рогожкин любил жизнь. Многие сельчане винили в этом водку. Искренне жалели незлобивого и неугомонного человека.

Как – то появились в поселке после Великой Отечественной войны муж и жена. Молодые, красивые, в военной парадной форме, на которой рядами красовались ордена и медали. Работали как все. Девятого мая сидели в президиуме, выступали перед школьниками, рассказывая о своем боевом прошлом, когда служили в разведке.

Но однажды мужа вызвали, как потом выяснилось, по доносу, в районное НКВД. Обвиняли в нелояльности к власти. Пробыл там несколько дней. Вернулся поздно вечером домой. А наутро их нашли мертвыми. ...Он вначале застрелил супругу, а затем себя.

Одеты были в ту самую военную парадную форму со всеми наградами. Хоронили фронтовиков всем поселком. Мы, ребяташки, несли на подушечках их ордена и медали до самого кладбища.

... Для нас, рожденных в начале пятидесятых годов, Великая Отечественная война не была абстрактным понятием. Она оказала мощнейшее влияние на весь уклад жизни, коснулась и наших детских игр. Например, всех отрицательных киношных и книжных персонажей обязательно называли «немцами», положительных «русскими».

Помню, брат посмотрел кинофильм «Пятнадцатилетний капитан». Дома с увлечением рассказывал, как «русские» побили «немцев», которые хотели забрать в рабство пассажиров корабля. Да и сами, играя в войну, делились на «русских» и «немцев». Поэтому набрать противников «русским» было непросто. Никто не хотел ими быть, так как это определение автоматически приводило в стан «немцев». Побеждали, как правило, первые. Нередко из-за расклада в игре возникали драки.

Всем поселком ходили на трофейный кинофильм «Тарзан». Его сторонников сразу определили к «русским», недругов – к «немцам». Сам главный герой фильма для нас был, конечно, «русским». Каждый из нас был патриотом.

Главной, нескончаемой игрой у послевоенной детворы была в «наших и не наших», в «войну» и «шпионов». Немцами старались никого не обзывать, хотя национальность такая имелась в лесопункте. Правил как таковых не было. Просто команды, сформированные по улицам, сходились периодически в рукопашных схватках.

Этому, конечно, предшествовала тщательная военная подготовка: изготавливались деревянные мечи, гранаты, конструировался даже пулемет, изучалась азбука Морзе. Придумывались различные пароли для своей

Борис Карташов

ватаги, Пароль даже под страхом быть побитым противником, нельзя было сообщать «врагу». Ну, а если это все же происходило, то ты становился вечным предателем и изгоем.

Еще строили свои «штабы». Где-нибудь в лесу вырывалась землянка, маскировалась. В ней мы проводили много времени: рассказывали всякие истории, играли в карты, испытывали различное оружие: «поджиги», «чакалки», самодельные гранаты, обрезы от ружей, винтовок, Бог знает, откуда взявшихся.

«Война» для меня закончилась, как ни странно, настоящим ранением. В то время у нас была мода на ношение воинской формы. Мне нравилось сочетание слов «гвардии капитан», поэтому я и присвоил себе такое звание.

Теперь представьте, как выглядел этот «гвардии капитан». На черной шинели, которая была выдана старшему брату в ремесленном училище, были пришиты с помощью мамы голубые погоны с четырьмя звездочками. Зеленая пограничная фуражка и ордена «Материнской славы» первой и второй степени, выпрошенные у мамы, дополняли образ. В таком виде я и пришел в «штаб».

Кто-то притащил пачку дымного пороха и, заряжая «поджиг», просыпал его на пеньке. Кто подожжет?! Риторический вопрос. Ведь я «гвардии капитан» да еще с орденами. Кто кроме меня! Чиркнул спичкой. ... Очнулся, рядом с пеньком, с сильной болью на лице. Вокруг меня копошились ребята, пытаюсь помочь. Глаза ничего не видели.. Кое-как водой из лужи мне протерли лицо, черное от копоти. И сразу же местами стала слазить

кожа. Вот в таком виде: «гвардии капитана», «орденоносца» привели в поселковую больницу. Убедившись, что видеть будет, обмазали толстым слоем вонючей мази и сверху покрыли лицо и руки марлей: на руках были ожоги первой степени, а вот лицо – второй и местами третьей. Все было в пузырях.

Как-то незаметно у кровати оказалась мама. Что творилось у нее в душе, одному Богу известно. Ведь совсем недавно Славка (один из моих старших братьев) стрелял из «поджига»: ему почти оторвало большой палец на правой руке. Врачи успели спасти парню руку, вовремя пришив палец. А еще до этого, двойняшки (тоже старшие братья Колька и Вовка) испытывали самодельный автомат, который разорвало на куски от большого заряда пороха и только чудо спасло «автоматчиков»...

Борис Карманов

ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

Жил в деревне дед по фамилии Пелевин. Сколько ему лет, никто точно не знал: говорили, что воевал еще в первую мировую. Ходил босиком в любую погоду, но в телогрейке и шапке. Еще дед Пелевин никогда не брился, поэтому борода у него была густая, длинная, практически закрывающая все лицо, и белая.

Любил он выпить. В день выдачи пенсии покупал две «чекушки» водки, которые в народе называли «мерзавчиками». Одну выпивал дома. В карман телогрейки ставил вторую и выходил на улицу беседовать с людьми. Причем, был всегда в гимнастерке, на которой выделялись Георгиевский крест и две медали «За отвагу». Поверх гимнастерки неизменная телогрейка. Надета она была так, чтобы были видны награды.

Путь традиционный – до продовольственного магазина. По дороге останавливался с каждым встречным и беседовал. Дойдя до конечной цели, укрывался в укромном закутке на задворках торговой точки, где принимался за вторую чекушку.

Мы, пацаны, любили наблюдать за дедом, как, не спеша, он снимает шапку и кладет ее на землю. Достает из кармана «мерзавчик», ставит рядом. Из другого появлялся хлеб, головка лука, спичечный коробок с солью, соленый или свежий огурец.

Спиртное принимал только из «горла». Брал корочку хлеба, макал лук в соль, жевал. После второго глотка откусывал огурец, после третьего опять хлеб с луком и так далее по своему определенному порядку. Когда в четвертинке оставалось на пару глотков, затыкал ее

бумажной пробкой, прятал в шапку. Оставшуюся закуску заворачивал в обрывок газеты, клал опять в карман. Некоторое время мурлыкал под нос какую – то песню, затем ложился на землю, положив под голову шапку, в которой были остатки водки, и засыпал.

Сколько раз мы пытались выкрасть «чекушку» из шапки, но увы... Даже будучи очень пьяным, дед Пелевин никогда не терял бдительности. В самый последний момент он просыпался и, незлобно ругаясь, отгонял нас, приговаривая:

– Ну, варнаки, что надумали! Старого кавалера обворовывать. Не выйдет!

Допивал остатки и возвращался домой.

Борис Карманов

ВОЙНА, КОТОРОЙ, КАК БЫ, И НЕ БЫЛО

Не властен человек над смертью, но в нашей власти сохранить память о защитнике отечества, жизнь которого оборвала вражеская пуля. Эта память будет жива, пока живы мы.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

... Он жалел только об одном: не успел отправить письмо Марине – его однокласснице из села, что на Алтае. До службы в армии, Тельнов и мечтать не мог о том, что такая красивая девушка, как Марина, будет писать ему письма. Но оно пришло только через полтора года на заставу, где он служил. Виктор очень обрадовался ему. Девушка рассказывала о деревенских новостях, расспрашивала о службе, вспоминала школьные годы. Письмо было душевным и добрым.

Тельнов целую неделю мысленно «писал» ей ответ. И именно в это воскресенье собирался свои чувства изложить на бумаге - после наряда по охране государственной границы СССР, где нарушения последнее время случались все чаще и чаще.

В открытом бою у солдата смерть пронесется то справа, то слева, то сзади, то сбоку. А к ним она вышла навстречу – из засады. Китайские солдаты открыли огонь из автоматов практически в упор, когда наряд пограничников во главе с капитаном Морозовым спустился к редкому тальнику у реки, чтобы урезонить нарушителей границы. Приказ – огня не открывать - они выполняли неукоснительно. Собирались «работать» только врукопашную. Так, думали, будет и сейчас. Но все пошло по-другому.

Рядовой Тельнов упал на снег произвольно - от страха и неожиданности. Уже мертвым на него упал капитан. Рядом завалился на бок сержант Яковлев. Тельнов оказался прикрытым от пуль. Это и спасло его от немедленной смерти. Солдат попытался закрыть глаза

Борис Карташов

и отключиться. Не получилось. Над ним склонился китаец, посмотрел в лицо и выстрелил в грудь. Тельнов вздрогнул и затих.

... Этот оберег Виктору Тельнову вручил участник Великой Отечественной войны, сосед – дед Петро со словами: «Эта земля с нашего парка воинской славы. Помни, что ты защищаешь и нашу землю, и нас. Ни пяди не отдавай врагу».

Очнулся, когда уже стемнело. Оберег мешал ему. За полтора года службы мешочек с землей, видимо, так слежался, что превратился в остроугольный камень. И вот сейчас этот камень врезался в солдатскую плоть под тяжестью собственного тела и очень больно давил в грудь.

Виктор лежал среди убитых товарищей и беспомощно ждал. Чего? То ли смерти, то ли друзей по заставе, которые должны были подобрать его с поля боя. Лежал и ждал. И продолжал чувствовать запах крови на морозе, запах смерти.

Где-то невдалеке глухо, как глубинная бомба, треснул лед на реке. На острове захрустел тальник. Плыли голоса. Такие знакомые и родные. Шли свои! Тельнов попытался громко застонать, чтобы его заметили. А вырвалось из гортани только тихое «иитть». Над ним склонился командир взвода:

- Смотри, живой. Тельнов, ты что ли? Быстро понесли на заставу, - приказал он солдатам.

Раненый покорно лежал на носилках и тихо стонал.

- Что? Больно? Потерпи, парень, - офицер бегом осмотрел его рану, оторвал висевший на шее солдата мешающий ему мешочек с землей и участливо прикрыл

его бушлатом. Подержал оберег в руке и спрятал в кармане, - сейчас донесем до казармы, а там и в госпиталь...

- Ни пяди ... врагу. ...Обещал деду. Письмо..., написать... девушке... Мариной зовут..., не успел..., - бессвязно прошептал раненый.

- Хорошо, хорошо, выздоровеешь – напишешь, - успокоил его офицер. – Только потерпи...

До заставы рядового Тельнова живым не донесли. Он умер тихо, не проронив больше ни слова.

Эту войну наши официальные историки предпочитают не вспоминать, в лучшем случае скромно именуя ее «инцидентом на границе» или «событиями на Даманском». И это, при том, что за три дня активных боев погибло 58 советских солдат и офицеров, 94 – ранено. Потери с китайской стороны около 3000 человек.

Однако эти потери оказались напрасными – 19 мая 1991 года остров безо всяких условий был отдан китайцам. После признания острова частью КНР руководство страны переименовало его в Чжэньбао, что в переводе означает «Драгоценный». Солдаты засыпали протоку, соединяющую их территорию с островом, и с тех пор он стал частью китайского берега.

Борис Карамов

И БЫЛ АФГАН

ТЕПЕРЬ ОБЛАКА МЕЖДУ НАМИ

25 декабря – День ввода советских войск в Афганистан. Я в гостях у землячки тетки Варвары - матери, воевавшего в той далекой стране, рядового Николая Пашкевича. Садимся за импровизированный стол. Первый тост, не чокаясь, за погибших. Наступает грустная тишина. Думаем каждый о своем. После второй рюмки хозяйка вдруг начинает петь песню...

*Теперь облака между нами.
С тобою не поговорить,
Ты знаешь, сыночек милый,
Как трудно одной мне жить.
А боль с каждым днем подступает,
И нету предела ей,
И если ты слышишь, сыночек,
Скажи, как мне справится с ней.
А знали б вы, он был какой?
Он не такой как все,
Он не такой – другой,
Возил подарки нам домой,
Сыночек мой, ты мой родной.
А я была, как за стеной,
Но хоть во сне побудь еще со мной,
Сыночек мой.
Служил ты в далеком Афгане,
Не жаловался нам никогда,
Ты только писал братьям,
Какая там жизнь твоя.
Там пули вокруг свистели,
Попить не хватало воды.*

Борис Карманов

*Зато там вдоволь было
Одной только наркоты.
Последний раз уезжал ты,
Сказал мне: «мама, не плачь.
Я скоро, скоро приеду,
Приеду к тебе опять».
И вот ты приехал сыночек,
Приехал ко мне домой.
Теперь твои глазки милы,
Закрывают сырой землей.*

– Когда выпьет, всегда поет о сыне, – шепчет на ухо мне ее сосед, – Колька служил в Афганистане, там пристрастился к наркотикам. Много лет боролась она с этим недугом. Не спасла – умер Колька.

Я с удивлением вслушиваюсь в слова и напев. Это переделанный хит современной певицы, которая поет жалобным голосом, вызывая слезы. Но здесь, за столом они, эти слезы, настоящие.

Варвара уронив голову на руки, затихла. В комнате повисла гнетущая тишина.

– Я вас на кладбище свожу, покажу его могилку, – тихо произносит она.

Едем на кладбище: оно делится как бы на два: старое и новое. Старое, это то, где хоронили лет 50 назад. Деревянные оградки, упавшие кресты. Все это заросло густым ельником. Мрачно и тоскливо вокруг. Новое – рядом, отличается только тем, что здесь много обелисков и современных памятников...

Подходим к могиле сына тетки Варвары. С фотографии смотрит на нас молодой парень в солдатской форме. Смотрит и молчит. Молчим и мы.

ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ КАПИТАНА ГОЛОВИНА

Дополнительную подготовку специальная группа под руководством капитана Василия Головина проходила на полигоне, что недалеко от Кабула. Шли обычные плановые занятия. Тема – боевое гранатометание. Несколько офицеров стояли в 150 метрах от учебного места за бруствером. Разговаривали, обсуждали насущные проблемы. Вдруг капитан Головин упал. Лицо его стала заливать кровь.

В любом учебнике, в любом наставлении по огневой подготовке можно найти описание гранаты РГД-5. Осколочная, наступательная, радиус поражения 25 метров. Двадцать пять! А тут расстояние в шесть (!) раз больше. И всё же невероятно, но факт – долетел осколок, сохранив при этом, пусть небольшую, энергию. Слились в единую фатальную случайность несколько факторов: очевидно, нештатный разрыв гранаты, при котором большая часть энергии взрыва ушла в одну сторону. Именно в ту, где находились офицеры. Высота бруствера была рассчитана на средний рост, поэтому голова рослого Василия возвышалась над ним. И надо было именно в этот момент повернуться офицеру лицом именно в этом направлении. Да и осколок, тоже весьма необычно большого для данной гранаты размера: семь на тринадцать миллиметров, угодил точно в правый глаз. Попади он, допустим, в лоб, то отделался бы офицер небольшим рассечением и синяком, а тут...

Раненого срочно доставили в Алма-Ату. В глазную клинику. Перед операцией профессор пришёл поговорить с пациентом.

Борис Карташов

- Ты офицер, пограничник, парень мужественный, - начал доктор. – Поэтому скажу прямо: жить будешь, но о глазе забудь. А теперь расскажи о своих ощущениях.

- Ощущения? – Головин пожал плечами. – Не могу левый глаз открыть.

- Ну, это понятно, лицо всё опухло. А что ещё?

- В глазах всё красное.

- В глазу, сынок. Привыкай к единственному числу.

- Почему в глазу? В обоих краснота стоит.

- Ты уверен?! – и почти сразу скомандовал медсестре. – В операционную! Быстро!

К счастью, профессор чётко разобрался в ситуации. Оказалось, что кусочек смертоносного металла прошёл по касательной. Почти не повредив глазное яблоко. Чудо! И не одно. Дальше осколок хоть и проник в мозг, но так деликатно, что прошёл по складкам между полушариями, не нанеся ни малейшего ущерба этому нежному органу. Одним словом, через некоторое время Василия Головина уже готовили к выписке. Зрение практически восстановилось полностью. Врачи все таки предложили офицеру уволиться по ранению. Травма серьёзная, к тому же и осколок остался в голове, вытаскивать его – только зря рисковать. Но тот категорически отказался.

- Ну как я мог комиссоваться? – объясняет своё решение Головин. – Мои друзья воюют, а я, домой поверну? Нет, не мог я так. Не честно это, не по совести.

Начальство, видя упорство капитана, махнула рукой - пусть. Тем более медицинская комиссия была не против оставить офицера в войсках.

... Тогда их отряд дислоцировалась в Карези-Ильясе. Место примечательно тем, что здесь сходились границы

трёх государств: СССР, Афганистана и Ирана. Обстановка в 1985 году была, как и по всей афганской земле, напряжённой. Противотанковые средства в то время массированно применялись нечасто, только в очень крупных операциях, а в остальное время просто распределялись по точкам. Поэтому командир группы привлекался к выполнению самых разнообразных задач. Сопровождал колонны, выходил наперехват караванов с оружием и наркотиками, руководил отдалёнными постами.

Как-то потребовалось на одной из точек, прикрывающих две тропы, ведущие из Афганистана в Иран, сменить начальника. Жребий пал на капитана Головина.

- Перед нами, метрах в восьмистах ближе к иранской границе, стояли сарбозы (афганская армия), командовал у них офицер Хакиро. Окончил наше военное училище, поэтому говорил по-русски хорошо, - вспоминает ветеран, - отношения с ним были самые, что ни на есть дружеские. А вот между собой у афганцев довольно сложная клановая схема взаимоотношений, поэтому Хакиро не всегда доверял своим подчинённым. Поэтому нередко приходил отдыхать к нам на пост. Поспит несколько часов и обратно к своим. В общем, можно даже сказать, что завязались доверительные отношения.

И надо же случиться такому. Однажды поступила к нам информация, что душманы попытаются на нашем участке уничтожить оба поста и переправиться в Иран. Банда большая, чуть меньше трёхсот человек, имеют групповое оружие.

- Знаете, после такой информации стало немного не по себе, - продолжил Головин. – У меня на посту всего восемнадцать человек. Да, были и БМП, и БТР, три

Барис Карташов

миномёта. Силы явно не равны, особенно если учесть, что первыми огонь открывать, нам было категорически запрещено, вплоть до уголовной ответственности. Связанно это было с близостью иранского погранпоста. Первым выстрелишь – завтра с утра вся западная пресса будет кричать о расстреле мирных дехкан злобными советскими солдатами.

Ситуация складывалась серьёзная: первыми стрелять нельзя, а в ответ, может статься, будет уже будет и некому. Но была в запрете на открытие огня одна лазейка. Разрешалось применять оружие для помощи народной армии Афганистана, ведущей реальный бой. Этим и воспользовался капитан. Договорился с Хакиро, что тот выстрелит несколько раз из пушки, когда до банды будет ещё далеко.

Прошло всё, как по нотам. Выйдя из ущелья, душманы сразу развернулись в боевой порядок, но приближались не стреляя. Наверняка зная о существующем запрете. Когда между нашим постом и бандой оставалось около полукилометра, «заговорила» пушка «сотоварищей». Официально афганская армия стала «вести бой с бандитами», а значит, советские пограничники просто обязаны были оказать правительственным войскам помощь.

Душманы отступили и спрятались. А вот народной армии досталось по - полной. Дело в том, что после того, как Хакиро открыл огонь по банде, сами афганские солдаты были обстреляны своими коллегами с иранской стороны. В результате два солдата и столько же офицеров у афганцев погибли, а ещё около трёх десятков человек сбежали с остатками разбитой банды.

Борис Карманов

- Так что, - вздохнул Головин, – Хакиро не зря ложился спать только на нашем посту. Что касается банды, то ушло меньше трети. Преследовать мы не могли, да и боеприпасов оставалось: по рожку - полтора на автомат. А для группового оружия вообще ничего – всё расстреляли.

Мы сидим в однокомнатной квартире ветерана боевых действий в Афганистане в маленьком сибирском городке, затерянном среди бескрайних просторов края, расположенного от Байкала до Урала. Он ловко управляет своим инвалидным креслом, маневрируя из кухни в комнату, угощая меня чаем с вареньем их морошки. Увидев мой молчаливый вопрос об инвалидности, Василий беспечно машет рукой:

- Это последствия ранения в ноги. Но это совсем другая афганская история...

СУДЬБА...

Николай Белоногов, худосочный, с солдатской выправкой мужчина. Даже в будние и праздничные дни не расставался с тельняшкой, одетой под солдатскую гимнастерку, на которой поблескивали медали. Солдатом-интернационалистом он был настоящим: провел в горах Афгана не один год. Его одинаково уважали и местные жители кишлаков, и воины народной армии, и однополчане, потому, что по первой же просьбе кидался помогать всем. Старался во всех делах показывать личный пример. И делал это всегда бескорыстно, с добротой и любовью. Домой вернулся без единой царапины.

Как и многие русские люди, вернувшиеся из – за речки, любил выпить, похвастать своими наградами. Правда, делал это своеобразно. После стакана водки пред собеседником обычно стучал себя в грудь, да так, чтоб медали звенели. Первым бросался разнимать дерущихся, заступиться за слабого, оказывал любую посильную помощь нуждающимся воинам - интернационалистам.

А как он играл на гитаре!? Это был виртуоз. Любую музыку мог, что называется, с закрытыми глазами сыграть. А как он пел афганские песни!? Люди начинали плакать после первого куплета. И верили ему безоговорочно всему, о чем он рассказывал в своих песнях. А сочинял музыку и слова на афганскую тематику сам.

– Афган научил меня верить в людей, понять, что только доброта спасет мир, – не без гордости говаривал он.

Погиб солдат - интернационалист в мирное уже

Борис Карманов

время на субботнике. Молодежь решила возле клуба построить спортивную площадку. Николай вызвался помочь установить пятиметровую мачту для детского аттракциона. Неожиданно столб начал падать на крутившихся тут же детей. Белоногов пытался его удержать. Не получилось. Лесина со всего размаха упала на него. Умер он мгновенно. Судьба...

Борис Карташов

И БЫЛА ЧЕЧНЯ

Первая чеченская война, официально именуемая наведением конституционного порядка на территории Чеченской Республики, началась 11 декабря 1994 года.

За два года боевых действий на территории Чечни погибли и пропали без вести почти 6 тысяч российских военнослужащих.

КРУЖКА

... Вторую неделю батарея самоходных артиллерийских установок, в которой я, сержант Кондрашов, служу командиром САУ, с удвоенной энергией мотается по территории Чечни. Радость у солдат неподдельная - объявили тотальную охоту на басаевцев.

Вот и сейчас с ходу вступили в бой. Корректировщик выдал по радиации координаты, где находились боевики. И закрутилось. Не успели сделать пару выстрелов, как с высоты «прилетает подарок» в виде мины. Один, второй, третий... Слава Богу, промазали. А внутри орудия идет напряженная работа. Снаряд в стволе. Я глазом уже в прицеле, наводчик крутит рукоятки поворотного и подъемного механизмов. Сейчас лопнем от напряжения, гильза зашла, клин закрылся, блокировку сняли. Надо стрелять! Снаружи опять разрыв. Жму на кнопку. Выстрел! В прицел наблюдаю разрыв, видно, как оседает пыль от краснозема. Еще один снаряд — туда же, в это облако. Разрыв. Ответа нет. Значит попали!!! Спрыгнул с орудия, весь в поту, трясусь.

Устал... День прошел, хочется есть. Вокруг полнейшая тишина. Только сейчас замечаю, что начинает темнеть. Однако надо подготовиться к ночевке. Орудие приказал отвести в кювет — хоть какая-нибудь защита. Снаряд в стволе оставил, гильза на лотке, радиостанция на приеме. Посадил дежурить наводчика за прицельные приспособления, другого солдата — сверху, впереди башни, ракетницы ему дал. В случае чего, - «огонь на поражение»... «Мухи», гранаты, то есть, — все у него под рукой. Механику-водителю сказал сидеть на месте,

Борис Карташов

в готовности к маневру, и ужинать, не выходя с места. Вроде, все предусмотрел. С остальными сели трапезничать в боевом отделении, вкушать сухпай.

Галеты дерут горло.

- Чайку бы, горячего, - жалобно ноет рядовой Князев.

Молча, киваю головой в знак согласия, хотя понимаю, что нарушаю приказ - огня не разводить. А как жрать ту же тушенку прикажете? Галеты, что, водой из канавы запивать?

- Ты подальше от установки разводи костерок - то. Да прикрой огонь листом фанеры, все не так видно будет, - советует Князеву ефрейтор Сизов.

Через полчаса котелок кипятка уже готов.

- Подставляйте кружки, - командую.

Ефрейтор ставит четыре кружки.

- А где пятая? – вопросительно смотрю на воина.

Тот недовольно бурча себе под нос, поплелся к костру за вещмешком, где хранилась походная посуда. Темнота полностью окутала местность. Чертыхаясь, Сизов копается в вещмешке. Слышен его хриловатый голос:

- Где это чертова кружка, - чиркает спичкой.

Маленькое пламя освещает солдата. Раздается сухой щелчок, и он ничком падает на мешок. Все замерли, не понимая, что происходит. Дошло – выстрел! Через мгновение задраиваем люк самоходки.

- Снайпер, - сипит от страха Князев, - откуда он?

- Сизаря снайпер наповал..., - продолжает сипеть рядовой.

У меня начинается колотун. Беру рацию, но никак

не могу включить. Наконец, получается. Вызываю старшего офицера батареи. Сквозь шум слышу его голос:

- Почему не отдыхаете, сержант?

- У нас двухсотый, товарищ капитан.

- Что?! Когда?! – голос офицера переходит в крик.

-Ефрейтор Сизов. Кружку хотел достать из мешка, темно было..., спичку зажег..., - лопочу, - снайпер, это был снайпер, - я отключаюсь.

Неделю наш расчет держали в резерве. Все время рядом с экипажем находился «контрик», выматывая душу своими дурацкими вопросами. А меня все время мучила мысль, а если бы сам полез за кружкой? И как объяснить родителям Сизова, что это роковое стечение обстоятельств? Да... смерть не выбирает! На его месте мог оказаться любой из нас. Дальше думать не хотелось...

А еще через три дня «благодаря» усилиям общест-венности, в лице московских правозащитников и мудрых отцов – командиров, когда банда беспредельщи-ков была уже загнана в горы, дали команду остановить операцию по ликвидации «чехов». Личному составу российской армии было приказано активных действий не вести. Начиналось очередное «перемирие», во вре-мя которого от рук снайперов продолжали гибнуть наши солдаты.

МЕДАЛЬ

Приказ занять позицию недалеко от этого горного села поступил утром. С утра же командир батареи Сидоров начал «воевать» с водкой. Вернее приступил к ее уничтожению. К обеду он уже одерживал победу со счетом ноль пять литра в его пользу. На ногах капитан еще держался, но речь уже подводила – перестал выговаривать отдельные буквы. И вместо «приказываю», говорил «плиазую». К вечеру же, когда батарея разместилась в назначенном месте, Сидоров сдался на милость Бахуса и завалился спать.

Младший сержант Серега Баранов, командир самоходной артиллерийской установки, чертыхался, так как местом ночлега комбат выбрал именно его машину. Все бы ничего, но лишнего места в орудии просто не было. Посовещавшись, экипаж дружно натянул брезент над небольшим углублением рядом с дорогой и улегся отдыхать.

Сержант спал в шлемофоне: неудобно от постоянного попискивания в ушах, зато голова в тепле и все время на стреме. Снился дом, родители, любимая овчарка Джесси. Все такое знакомое, родное. Неожиданно в ушах раздался треск и знакомый голос офицера:

- Комбату третьей батарее координаты..., обработку квадрата начать через тридцать минут. Об исполнении доложить в часов, ... минут.

Баранов полез в машину. Остаточный запах борьбы с зеленым змием густым смогом висел по всей самоходке.

- Капитан, капитан, - трясет за плечо мертвецки

пьяного командира Серега.

Реакции, ни какой! Он остервенело, хлещет по щекам. Тщетно! От бессилия сержант чуть не плачет.

В наушниках опять голос майора с приказом доложить обстановку. Шмыгнув носом, Серега успокаивается. Докладывает о готовности батареи. Затем, от имени командира по радиации приказывает остальным трем установкам открыть огонь по целям. Его экипаж уже в машине – на местах. Комбата спихнули на пол – даже не хрюкнул. Команда «огонь»! Начинается какофония от разрывов снарядов. Кажется, что земля ожила и стонет от боли. Постепенно обстрел стал стихать. Вдалеке ухнуло еще пару раз, и наступила неожиданная тишина.

Все, отбой! Солдаты выползают из орудия постепенно, нервно курят прямо на земле. Слов нет, одна усталость. Еще один бой позади.

Серега с экипажем идет досматривать сон в импровизированную землянку. Но, увы... Заснуть не получается. Нестерпимо начинает ныть голова. Сигарета, за сигаретой. Вот и рассвет.

Из люка появляется голова комбата. Испугано озирается по сторонам. С трудом спрыгивает с машины.

- Это..., мы где? Ты, слышь..., извини сержант, сломался я. Водка проклятая. Операция что ли была? Кто командовал то? Меня не заложили?

Весь монолог был скороговоркой, взгляд затравленный и в то же время просительный, извиняющий. Такой взгляд Баранов видел у соседа – дяди Миши, когда он после буйной пьяной ночи, драки с женой и сыном возвращался домой из милиции. Но прежде чем зайти в квартиру, обязательно стучался к ним в дом, узнать, что

Борис Карташов

он натворил в этот раз.

Злость на командира прошла.

- Да ладно, товарищ капитан. Все обошлось. Правда, пришлось за вас покомандовать, - Серега нервно улыбается, - но вроде бы обошлось. Майор, по - моему, не понял, кто ему докладывал. Он считает, что это были вы.

Офицер не знает, как себя вести дальше. Нервно теребит шлемофон. Затем вызывает штаб. Слушает микрофон, изредка вставляет «есть, так точно, будет рапорт». Обессилено садится на землю и начинает то ли плакать, то ли истерически смеяться:

- Долбанная служба, долбанная Чечня, долбанная жизнь, - выговаривает он. - Уволюсь к чертовой матери, пока не спился совсем. - Посмотрел на сержанта. – Спасибо тебе, солдат. Я этого никогда не забуду.

... Спустя год, на гражданке, когда сержант Баранов сочетался законным браком с любимой девушкой, военком от имени президента России вручил ему медаль Суворова, за проявленное мужество и отвагу во время наведения конституционного порядка в Чеченской Республике. Рапорт о его награждении написал командир батареи, который погиб через месяц после вышеописанных событий, от шальной пули, выпущенной собутельником – майором.

КУКЛА БАРБИ

- Я родила ее, когда мне было за сорок. Так жизнь сложилась. Она всегда была очень ласковая и тихая девочка. С рождения. В роддоме подала голос только после шлепка акушерки. Спокойно вела себя и в грудном возрасте: пососет грудь и спать. Головку стала рано держать, садиться тоже... И всегда внимательно смотрела на окружающих, словно хотела всех запомнить, – Марина Петровна (так назвалась отрекомендовала себя она) мечтательно задумалась на мгновение. – А когда научилась ходить, играла только в «маму и дочку». Другие игры ей почему – то были не интересны. При этом «дочкой» могло быть что угодно: палочка, завернутая в лоскуток материи, голый пупс или столовая ложка. Оля постоянно разговаривала с ними на правах «мамы».

Пожилая женщина с любовью смотрела на фотографию, которую держала в руках, где была запечатлена девочка лет пятнадцати, с короткими косичками и конопушками на курносом носу. Мама выглядела устало – спокойной. Особенно ее взгляд – с затаенной болью и какой – то равнодушный.

- Ласковая была, всех жалела, и справедливая - до крайности. Однажды принесла домой полудохлого воробышка, которого их рогатки подбили дворовые мальчишки. Он прожил всего несколько часов, но Оля ни на секунду не оставляла попытки его спасти: согревала своим дыханием, закутала в детское одеяльце, баюкала. Когда же бедная птичка закатила глазки и затихла, еще долго не хотела верить, что птенчик умер. Но знаете, она не плакала. Просто поджала губки и уставилась в одну точку. Так и просидела до вечера, не проронив ни слова. Наутро, выйдя во двор, увидев этих хулиганов и

Борис Карманов

отлупила обоих... штакетиной от забора. Потом, правда, пришлось объясняться с их родителями.

Любимая игрушка была кукла Барби. Как – то заинтересовалась: почему именно Барби, а не наши, отечественные? Услышала в ответ: «У нее такие красивые туфельки, платье, бантики в волосах. Таких у нас не встретишь... и не заработаешь».

Практичная, все понимала по - взрослому. Хотя было тогда ей всего двенадцать лет. Может быть, поэтому с восьмого класса стала подрабатывать со мной на пару – я «челночница» была. Ну и она моталась со мной в бывшие «братские» республики и ближнее зарубежье. Пропускала занятия, конечно. В школе директор грозился выгнать из школы. Но вскоре он попал в больницу (какие – то отморозки напали на него на улице, избили и ограбили), и об исключении Оли никто не вспоминал.

Да, забыла сказать, мужа у меня никогда не было - не судьба. Мужики были, но все какие – то временные, не домовитые. Да и дочка к ним была совершенно равнодушна. В общем, ко двору ни один не прибился.

Вскоре переехали в Краснодар – там умерла дальняя родственница, и мне достался ее домик на окраине города. Олюшка совсем стала взрослой, рассудительной. Красотой, правда не блистала, но ума – палата. Я советовалась с ней - на каком рынке торговать, по какой цене, платить ли за «крышу» тому или иному бандиту. Дочка всегда давала обстоятельные и дельные советы. Наш малый бизнес процветал.

Спортом стала заниматься. Ходила в секцию по стендовой стрельбе. И там проявила себя с лучшей стороны. Чемпионкой стала. Вот только с тренерами и товарищами по команде ей не повезло. Постоянно все

придирались к ней, даже насмехались... по поводу отсутствия ухажеров. Ушла она из этой секции к другому тренеру. Там ее уважали и хвалили. Домой стала приносить деньги. За призовые места. Иногда даже в иностранной валюте, говорила, что это спонсоры дают. Медалей было много. Они до сих пор висят на стене в доме. Часто уезжала в командировки. Бывало, вернется через неделю, а бывало и месяца три ни слуху, ни духу. Куклу, свою, Барби, всегда с собой брала. Говорила, она ей приносит удачу. Приедет усталая, нервная. Я уж на цыпочках по комнатам хожу, не дай Бог, заругается. Отойдет через пару дней и опять все идет по – старому: я на рынке торгую, она любимым спортом занимается.

Последний раз уехала полгода назад. Сказала, что если займет первое место, много денег заработает. И пропала. А недавно пришла повестка из прокуратуры. На допрос вызывают. Говорят о каких – то «белых колготках», хотят побеседовать. И просили принести фотографию Олюшки. А у меня только школьная есть. Не любила она фотографировать, не фотогеничная была...

Они сидят на скамейке недалеко от здания городского суда и прокуратуры и ждут, когда вызовут для дачи показаний. Марину Петровну по делу девушки – снайпера, воевавшей на стороне бандформирований на Северном Кавказе и пожилого мужчину в казачьей форме в качестве потерпевшего – его сын погиб от пули обвиняемой...

ДЕЗЕРТИР

О том, что их командировка в Чечню скоро закончится, старший сержант Василий Петров узнал от знакомого писаря из штаба дивизиона.

- Приказ уже подписан, готовьтесь, - радостно сообщил ему ефрейтор, получивший за эту весть пятилитровую канистру со спиртом, украденную в том же штабе доблестными воинами российской армии.

И действительно, комбат вскоре вызвал солдат, которым посчастливилось попасть в этот список к себе, поздравил их с успешным завершением командировки и приказал пред тем как покинуть часть, собрать и сдать все бесхозное стрелковое оружие, боеприпасы в специальное хранилище в Ханкале. Набрался полный кузов ГАЗ-66. Петров добросовестно сделал опись собранного арсенала. Доставили в пункт назначения. Прапорщик в засаленном камуфляже с трудом заглянув в кузов, приказал свалить «все это барахло» в старый ангар. Сержант попытался сунуть ему список, но тот отмахнулся. Матеря свое командование, вспоминая Бога и его Мать, бардак и преступную халатность, воины разгрузили машину.

- Можно было половину продать местному населению, и никто бы не заметил, - грустно пошутил рядовой Данилин.

- Или не захотели замечать этот бардак, - задумчиво добавил Петров, борясь с искушением прихватить пару гранат с собой. Пересилил себя и вышел из ангара.

Затем до Моздока вертушкой. Поездом до Минеральных Вод и далее организованной группой к себе в родную часть, дислоцированную на Урале.

К удивлению Петрова, оказалось, что вместе с

ними закончилась командировка и у командира дивизиона подполковника Бикбулатова. Он на всякий случай погрозил кулаком своим подчиненным на перроне вокзала и отправился в купированный вагон. Простые же воины российской армии – в плацкартный, согласно проездным документам.

Ехали весело: вначале выпили значенный спирт и проспали сутки. Затем уничтожили сухпак, полученный на неделю вперед. Опять спали. А когда за окном стали мелькать родные уральские пейзажи, Чечня уже казалась чем-то далеким и не реальным.

... Бригада встретила их безразлично. Вернее, никак не встретила. На железнодорожном вокзале не было даже патруля. Да и какой патруль будет дежурить в два часа ночи здесь? Пешком добрались до казарм и разбрелись по своим подразделениям.

Дневальный равнодушно показал на пустующую кровать, совсем не удивившись незнакомому сержанту. Видимо, он был не первый, кто вот так, ниоткуда появлялся ночью. Их узнавали по усталому взгляду, шаркающей походке и запаху. Эти с войны!

Впервые за последние полгода Петров собирался спать по-настоящему – в кровати, с простынями и подушкой. Разделся до трусов, снял тельник и улегся. Положил голову на белоснежную подушку, погладил ее (надо же, мягкая и пахнет цветами) и провалился в темноту.

... Сквозь сон услышал, как прокричали «Подъем!». Давно он не слышал этот приказ, такой родной показался.... Улыбнувшись, не открывая глаз, перевернулся на другой бок. Рядом пыхтели, разговаривали. Шепот «с Чечни, что ли?» заставил его приоткрыть веки. Розово-

Барис Карташов

щекий, белобрысый рядовой вопросительно и с любопытством рассмотрел на него.

-Нет, с курорта, - пошутил Петров, встал и отправился умываться.

В военном городке все было, как и до командировки. Туда – сюда сновали солдаты, с озабоченными лицами передвигались прапорщики и офицеры, даже дворняжка по кличке Цезарь все так же крутилась у солдатской столовой.

Плотно позавтракав, отправился искать своих однополчан, с которыми судьба свела его в Чечне. Все нашлись в штабе бригады. В длиннющей очереди перед кабинетом начальника общего отдела.

Дождавшись своей очереди, зашел в кабинет. Доложил:

- Старший сержант Петров, прибыл из командировки.

- Документы, - потребовал капитан, не поднимая головы.

Сержант достал все бумаги, какие у него были, и положил на стол.

Офицер бегло просмотрел:

- Ну, что, солдат, с возвращением живым и здоровым. Ты свой долг перед Родиной выполнил. Адаптируйся пока, через месяц будут готовы документы на дембель. Жди. Да, зайди в штаб батальона, представься новому командиру, он из вновь назначенных будет.

Василий вышел в коридор, где его тут же окружили друзья.

- Чем займемся? – Ефрейтор Казаринов хитро улыбался, - есть у меня еще одна непочатая фляжка со спиртом.

- Ах, ты..., - загудели вокруг.

- Зато, какой сюрприз для вас. Поэтому и спрятал до лучших времен. Вот они и наступили...

Дружной гурьбой двинулись в казарму за неожиданным подарком. Затем, спрятавшись в ближайшем лесочке, недалеко от спортплощадки, где молодежь отрабатывала на турнике «выход силой» и «подтягивание», принялись уничтожать приятный сюрприз. Через пару часов, обсудив все насущные дела, навалявшись на зеленой травке, стали разбредаться по своим казармам.

Петров лениво двигался по гравийной дорожке в батальон. У дежурного поинтересовался, где находится командир. Тот объяснил. Постучавшись в дверь, вошел. За столом сидел майор, развалившись в кресле. Не дав сказать слова, отрывисто бросил в лицо сержанту:

- А, дезертир объявился. Я уже вызвал патруль из комендатуры, ты арестован.

У воина от удивления глаза, что называется, «полезли на лоб».

- Что, надоело сидеть у мамки под юбкой? Солдаты, можно сказать, кровь проливают, наводя конституционный порядок в Чечне. А ты, значит, вместо командировки решил домой слинять?

- Вы, что, белены объелись, я полгода духов гонял по горам. Это вы здесь жопу от кресла оторвать боитесь, - Ваську понесло, - Сам - то бывал там?

- Да ты еще и пьян, - принюхавшись, взвизгнул майор, - Ну, срок ты себе уже заработал!

Дальше все происходило как в тумане, ворвавшийся патруль пытался надеть на него наручники, он отбивался, что-то кричал. Как из небытия в кабинете возник силуэт подполковника Бикбулатова. Но неожиданный

Борис Карманов

удар по голове чем - то тяжелым выключил Петрова надолго.

В себя пришел он уже в больничной палате. Нестерпимо болел затылок. Он медленно приоткрыл веки. Резкости в глазах не было - все плыло. «Как после контузии. Вот не думал, что здесь за тысячи километров от боевых действий, можно испытать такое же чувство, как там».

Наконец, четкость стала восстанавливаться. Из ниоткуда появился командир дивизиона.

- Очнулся, воин? – поинтересовался он. – Что же ты расслабился? В горах выдержка была стальной, а тут сорвался. Давай поправляйся. Уже есть приказ о твоём увольнении в запас. - Подполковник направился к двери, - и представление о награждении тебя медалью Жукова.

- А как же дезертирство? – вслед поинтересовался растерянный сержант.

- Забудь. Все нормально. Этот майор, когда принимал батальон, поинтересовался у твоего ротного, куда ты делся? То и пошутил, мол, домой рванул, испугался. Вот майор и проявил бдительность, не согласовав ни с кем. В списках есть, а в наличии нет. Вы же попали в вновь созданный сводный полк. Там со всего округа солдаты были. Вот и получилось: числился в двух воинских частях.

- А вы как здесь...?

- Как я в твоей части оказался? – засмеялся тот, - да вот лично решил посмотреть, как вы тут устроились. А тут ты пьяный дебоширишь.

- Так что мне за это будет? Мы же немного...

- Поговорил я с майором на эту тему. Он, чтобы

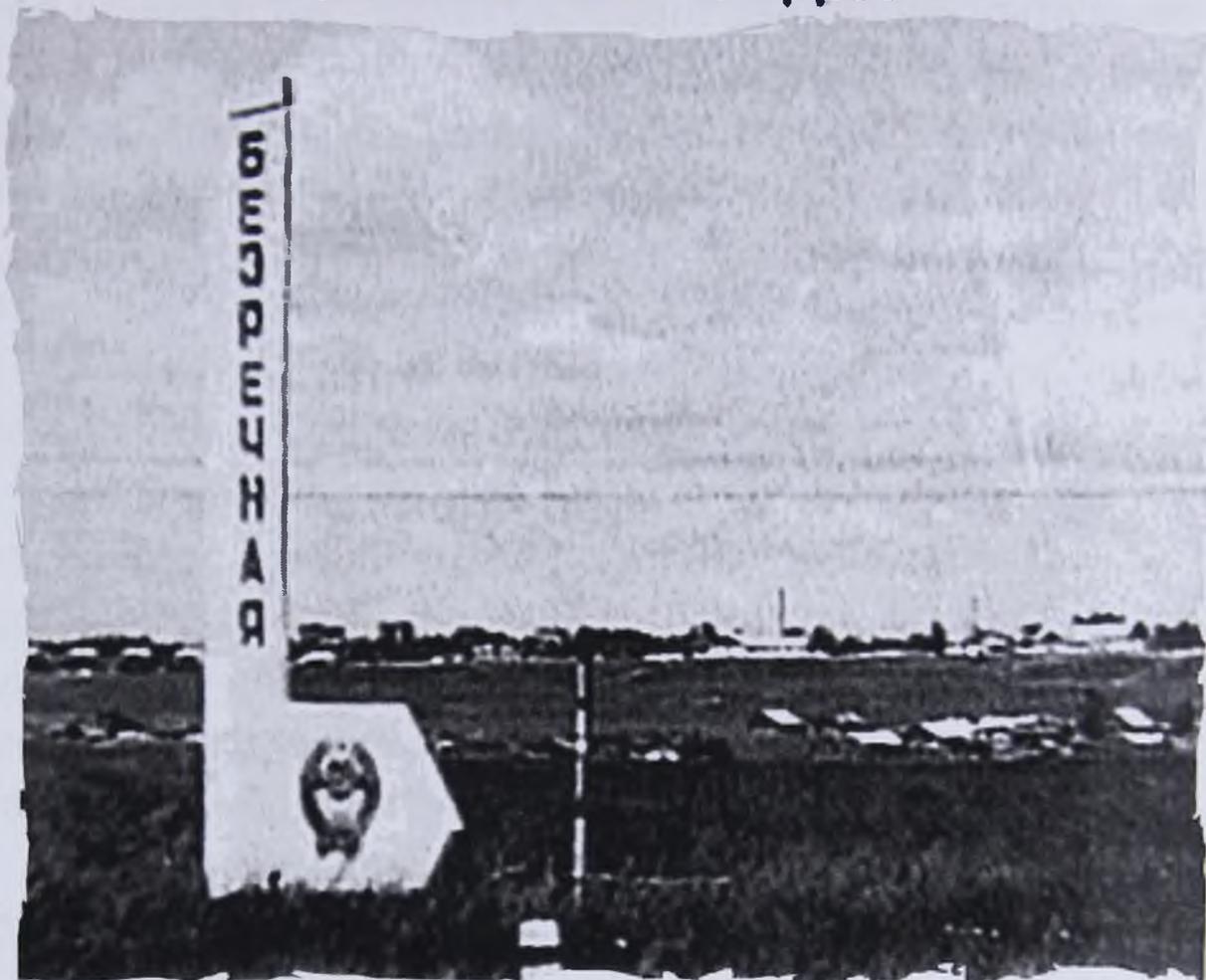
Борис Карташов

косяк свой не афишировать, забудет и про этот, - помолчал и добавил, - А от командировки в Чечню он в свое время откосил: принес справку о какой - то страшной болезни. Я ему и об этом напомнил.

Через месяц на плацу их провожал домой, на дембель, весь батальон. Играл марш «Прощанье славянки». Старшему сержанту Петрову почему – то хотелось плакать.

Борис Карманов

ОТ СТАНЦИИ БЕЗРЕЧНОЙ МОСКВЫ НЕ ВИДАТЬ

О наших Вооруженных Силах в разные исторические периоды России были противоречивые мнения: от восхваления до проклятия. Но одно всегда оставалось неизменным – Российская армия непобедима. И еще те, кто служил, знают, что об армейских буднях вспоминается только хорошее или смешное. Ведь юмор очень здорово помогает солдату в его ратном труде. Есть такие воспоминания и у меня – дембеля 1972 года.

Герои повествования – простые солдаты и командиры одной из воинских частей, которая затерялась среди бескрайних забайкальских степей возле железнодорожной станции Безречной.

«БОЙ... В ЛЮБУЮ МИНУТУ»

Солдаты срочной службы Советской Армии делились по отслужившим полугодиям (срок службы был два года). Только что призвавшиеся назывались «зеленью». Отслужившие полгода – «салагами». Год – «котлами» или «черпаками», полтора – «дедушками», наконец тех, кто дождались приказа об увольнении в запас, – «дембелями».

Так вот, письма, которые писала «зелень» на гражданку, регулярно прочитывались специальными людьми, и если в них находили какую-нибудь крамолу, докладывали либо командиру части, либо начальнику штаба, либо замполиту.

Командир части подполковник Другов имел привычку самые интересные опусы солдат зачитывать перед строем вслух. На очередном построении подполковник вызвал такого молодого солдатика из строя и спросил:

– Ну что, сынок, китайцы не донимают? – и зачитал отрывок из его письма матери: «Дорогая мама, службу на китайской границе. Китайцы рядом, через реку. Спим одетые, автоматы кладем под голову с полным боекомплектом. В бой можем пойти в любую минуту...»

Вся часть гомерически хохотала, виновник письма не знал, куда деть глаза от стыда и позора.

А китайская граница действительно была рядом – в 40 километрах, там совсем недавно прошли вооруженные столкновения на острове Даманский, где погибли наши ребята. Вот только на вооружении нашего полка были карабины СКС, с ними и ходили в караул. Автоматов в глаза не видели.

«ДМИТРИЕВ НА ПРОВОДЕ»

Мы, салаги, призвавшись сразу в воинскую часть, целый месяц проходили курс молодого бойца, точнее, «карантин». Во время карантина сержанты и офицеры присматривались к нам, определяя, кто и в качестве кого может пригодиться на службе, но, как правило, несколько человек не вписывались ни в один армейский профессиональный шаблон. То ли таланта и навыков у них не было, то ли хотели два года проболтаться между гребаных. Их определяли на хозяйственные работы – копать канавы, разгружать вагоны, ходить в наряды дневальным по роте и т. д. Таких мастеров на все руки называли рядовыми пыльвзвода.

Иркутянин Сашка Дмитриев был одним из этих неумёх. Куда бы его ни посылали, всегда случались с ним казусы и неприличные истории. Однажды после очередного прокола по службе командир роты Комиссаров, кстати, участник Великой Отечественной войны, обратился к нему сердешному:

– Слушай, Дмитриев, ты можешь хоть одни сутки побыть образцовым воином?

– Так точно! – радостно отозвался Сашка.

– Хорошо, тогда заступишь в наряд дневальным по роте. Если дежурство пройдет нормально, то есть строго по уставу, получишь увольнение.

Надо сказать, что часть была расположена вблизи с китайской границей, и увольнение в так называемый «Шанхай», где проживало гражданское население, давали редко и неохотно.

Вечером Дмитриев приступил к выполнению

обязанностей дневального по тумбочке. Он старательно следил, как натирали полы мастикой в казарме, по уставу отвечал на телефонные звонки, четко докладывал командирам о состоянии дел в расположении роты. В общем, все шло нормально.

... До сдачи дежурства оставалось около часа. Он с нетерпением ждал смену и уже, предвкушая отдых, расслабился. Тут зазвонил телефон и неожиданно для себя произнес в трубку:

– Дмитриев на проводе...

В ответ услышал голос капитана Комиссарова:

– Слазь к чертовой матери с провода, два наряда за неуставной ответ!

НАРУШИТЕЛЬ ГРАНИЦЫ

Место моей службы – стык границ России, Монголии и Китая. До братской Монголии – 30 км, до враждебного Китая – 40 км. Еще свежи в памяти кровавые события о вторжении китайцев на нашу территорию – остров Даманский. Еще висят в казармах плакаты, на которых сфотографированы наши убитые солдаты с вырезанными на груди звездами, выколотыми глазами, еще идут разговоры о вероломстве узкоглазых, их садизме и о том, как вышибли их на свою территорию, о погибших товарищах.

Но вот однажды по гарнизону разнесся слух, что пойман перебежчик-нарушитель границы, враг. Через некоторое время его отправили в контрразведку, а нам солдатам оставили рассказ о том, как это произошло.

...Как он перешел границу история умалчивает, но первым его обнаружил наряд по кухне в столовой одной из воинских частей. Мужик пытался ночью украсть хлеб, за что был задержан и сильно поколочен, поскольку его приняли за пьяного бурята, которые периодически задерживались патрулями. Но битые по морде результатов не дало. Тогда воины пригрозили сдать его в комендатуру. В ответ услышали речь, непохожую на бурятскую. Заподозрили, что это монгол – одет в фуфайку, сапоги, шапка неопределенного образца. Позвонили в комендатуру, объяснили ситуацию. Оттуда прислали конвой, срочно прибыли контрразведчики из особого отдела, командир со свитой, тогда-то и выяснилось, что это китаец. Нарушителя границы увезли в штаб дивизии, а ребята из наряда по кухне еще долго рассказывали, как они скрутили диверсанта, проявив при этом массовый героизм.

«ОЙ, ЦВЕТЕТ КАЛИНА...»

Командир части был фронтовиком - воевал с японцами. Считался человеком-легендой: был строг, но справедлив. К солдатам относился по-отечески. Когда патруль арестовывал в самоволке его подчиненных, тем более выпивших, обязательно интересовался в каком направлении шел солдат? Если в сторону расположения казармы, довольно улыбался:

– Молодец, домой шел, – и объявлял ему три наряда вне очереди.

Ну а в другом - то «губа» обеспечена.

...Однажды рядовой Пермяков решил смотаться за спиртным в магазин. Бутылки спрятал в сумку от противогоза. По закону подлости, на обратном пути навстречу ехал УАЗик с командиром части. Тот вышел, чтобы узнать, что делает воин у магазина с противогозом на плече. Действовать надо было неординарно и быстро, чтобы хоть как то выкрутиться из создавшейся ситуации и отвлечь внимание командира от главного. Солдат упал на землю, схватился за живот и начал громко стонать и ойкать:

– Ой, ой, – офицер приблизился к лежащему.

Рядовой ничего не нашел лучшего, как запеть:

– Ой, цветет калина в поле у ручья ...

Уловка не спасла, водку отобрали. Но подполковник на утреннем разводе отметил находчивость Пермякова и даже не наказал его, не считая, конечно, потерю спиртного.

«МАША»

Начальник штаба майор Дубинкин был здоровенный дядька с волосатыми кулаками величиной с футбольный мяч. На правом синела наколка в виде треугольника «Привет тебе, любимая» и внутри его – «Маша».

Он редко наказывал солдат по уставу. Просто вызывал провинившегося к себе в кабинет, подносил к лицу кулак и спрашивал:

– Хочешь познакомиться с Машей?

Солдат тут же клялся не совершать больше проступков.

Бывало, начальник штаба применял кулак по назначению, тогда бедный боец с неделю поеживался от тумака. Но обиды на майора никто не держал, так как считали его человеком справедливым и незлопамятным.

Борис Карманов

ИВАН ЕПИФАНЫЧ

Командиром роты связи, где я числился, был Иван Епифанович Комиссаров. Уникальный в своем роде офицер. Имея четырехклассное образование, он семнадцатилетним мальчишкой ушел на фронт. Попал в морскую пехоту. Три года на войне. Как он сам рассказывал, остался жив, благодаря фронтовому правилу: при бомбежке прятать голову в окоп, при атаке бежать по кривой. Награжден боевыми орденами и медалями, прошел путь от рядового до лейтенанта. После Победы окончил курсы офицерского состава, дослужился до капитана и в 1971 году должен был уволиться из армии по возрасту.

Солдаты его уважали и прощали ему некоторые странности. Ну, например, когда был зол на военнослужащего за проступок, хватался за кобуру, кричал:

– Порешу, твою... мать!

Это выражение он не считал матерщиной. А когда был подшофе, часто приходил в расположение части и строго спрашивал у дневального, чем занимается личный состав. Затем объявлял учебную тревогу, и пока воины спешно строились, придирчиво рассматривал их прически. Говорил, что они не по уставу, и начинал самолично всех стричь наголо. А уж если объявлял солдату наряд на работу, то тут же определял, какого рода она: «Вычерпать туалет пилоткой и побелить до 14.00». Туалеты находились на свежем воздухе, черпать, конечно, не черпали, но белили регулярно.

...Служил я на передвижной радиостанции, на базе автомашины ЗИЛ-157. Командиром отделения был

Борис Карманов

сержант Вотюков, который через пару месяцев должен был уволиться в запас, поэтому, находясь на дежурстве, в основном, валялся на топчане и слушал «вражьи голоса» по радио.

Так вот, лежит он, значит, вдруг заходит Иван Епифаныч:

– Почему лежишь?

Вотюков в ответ:

– Товарищ капитан, вы дембель – я дембель, давайте отдыхать вместе.

От такого предложения офицер опешил:

– Да ты, ты... – он не находил слов, и вдруг посмотрел на пожарный щит, – а где топор?

– Так спер кто-то, – развел руками сержант.

– Ничего не знаю, прояви солдатскую смекалку, но чтобы к утру топор был на щите.

– Где я возьму его? Если только у вас в сарае, – усмехнулся Вотюков.

– Попробуй, но поймаю на воровстве, этим же топором башку тебе отрублю, – взвился комроты.

Поздно вечером командир отделения приказал мне:

– Пошли к капитану в сарай (тот жил неподалеку в двухэтажном доме, в квартирах стояли водяные титаны, для которых мы частенько кололи дрова по просьбе жен офицеров).

Короче, утащили мы топор, покрасили в пожарный красный цвет и повесили в машине на щит.

Утром Иван Епифаныч первым делом подошел к пожинвентарю, убедился в наличии предмета раздора и удовлетворенно сказал:

Борис Карманов

– Вот видишь, проявил смекалку, выполнил приказ...

Тут он вспомнил о вчерашней угрозе Вотюкова и рванул домой. В общем, капитан долго впоследствии искал с жердиной в руках сержанта в автопарке, чтобы рассчитаться за солдатскую смекалку.

Борис Карманов

ЗАМПОЛИТ – МАЙОР ТУМАРОВ

Наверное, должность наложила отпечаток на его характер. Майор отвечал за так называемый моральный облик советского воина, но был, в основном, спокоен и меланхоличен. Однако если заводился, то это было нудно и долго. Причем, причиной его недовольства мог быть любой пустяк, на который обычный человек не обратил бы внимания.

На втором году службы я решил отпустить усы. Вернее, так себе, усики. Они, как мне казалось, придавали тот шик, который отличал молодого солдата от отслужившего больше года. Через несколько дней на верхней губе появилось некоторое подобие будущих усов.

Сидим в курилке, коптим небо дешевыми сигаретами. К нам подсаживается замполит, щедро угощает своими папиросами, расспрашивает о житье-бытье, проблемах, службе, в общем, ведет вполне квалифицированный разговор по должности. Его раскосые глаза пытливо скользят от одного солдата к другому и вдруг останавливаются на моей физиономии.

– А ты, что это, усы что ли отращиваешь? - Не дожидаясь объяснений, продолжает:

– Ну, ты это зря. Во-первых, я понимаю, если бы ты был грузин, у них это национальная гордость. Ты не грузин. Во-вторых, усы должны украшать лицо солдата, а у тебя что? Как у козлушки на одном месте. В-третьих, гигиена, где она? Да ты... ты на китайцев работаешь в идеологическом плане, – неожиданно закончил он. – Сбрей немедленно!

Я обалдело слушаю его, соображая, как это я

Борис Карташов

успел стать идеологическим союзником китайцев...

Однажды наблюдал картину, когда майор Тумаров перебирал в солдатском клубе томики марксизма-ленинизма, сваленные беспорядочно в угол темнушки, видимо, за не востребованностью, и сокрушался.

– Руки надо оборвать тому, кто это сделал! Да он на китайцев работает...

Когда же узнал фамилию офицера, приказавшего сделать это, совсем взбеленился:

– Тем более, он, видимо, в друзьях у Линь Бяо (был в то время такой министр обороны КНР) числится.

Собрал книги в стопку, бережно стряхнул пыль и с озабоченным видом удалился. Причем тут китайский министр, никто так и не понял.

«ЛОБ ФЕДОРОВИЧ»

Командиром роты навигации у нас был капитан Виктор Федорович Золотухин. Человек добрый, но несколько странный, если не сказать недалекий. Он мог подойти к водителю, который ремонтировал автомобиль и спросить:

– Почему охлаждающая жидкость течет в дырку радиатора?

Водила недоуменно хлопал глазами.

– А куда ей течь, только в отверстие.

– Отчего именно в это место?

– Так больше некуда. Вода течет туда, где есть отверстие, а дырка – это отверстие – закон физики.

– Не знаешь, значит, – замечал капитан и шел дальше.

Все солдаты знали о его необычных вопросах и поэтому за глаза звали его «Лоб Федорович», подчеркивая тем самым недалекий ум капитана, а офицеры не стеснялись и в глаза назвать этой кличкой. Но прославился комроты после очередных полетов самолетов-перехватчиков.

Суть учений заключалась в наведении самолетов-перехватчиков лоб в лоб. Причем оно делается вслепую, посредством радиостанций, находящихся на командном пункте. Оперативный дежурный вывел самолеты на одну высоту. Мчатся друг к другу «сушки» и в этот момент пропадает радиосвязь. Что чувствовал в этот момент радист-оператор, - словами не передать. Как он рассказал потом: открыл один из блоков в радиостанции, залез в сплетение проводов и, о, чудо, связь восстановилась. Прошло всего несколько секунд, которые

могли стать роковыми. К счастью, ничего плохого не произошло. Но ЧП зафиксировали все службы командного пункта.

И тут началось. Вначале появился командир полка с оперативным дежурным, которым радист-оператор подробно объяснил ситуацию. Затем командир дивизиона – он тоже потребовал объяснений. «Лоб Федорович» прибыл последним, и тоже поинтересовался, почему прервалась связь с самолетами. Радисту-оператору надоело уже до тошноты объяснять, и он ответил:

– Почему-почему, кабель пробило, который обеспечивал связь самолетов с радиостанцией!

– Я так и думал, – сочувственно заявил «Лоб Федорович».

Вскоре его перевели начальником продовольственного склада.

ХВАЛЮ ЗА ЧЕСТНОСТЬ

Если военнослужащего ловили на каком-то неблагоприятном проступке, например, выпивке, то обязательно интересовались причиной, побудившей это сделать. Ответы были предсказуемы и стандартны: бросила девушка, дома неприятности, подруга вышла замуж, день рождения и т.д. Как правило, такие случаи в части проявлялись в дни получения денежного довольствия, в преддверии каких-либо знаменательных дат или когда солдатам приходили денежные переводы. Массового пьянства, конечно, не было, но каждый старался отметить событие спиртным – таков уж менталитет советского человека.

...Утро. Понедельник. Идет развод воинских подразделений. В конце, как всегда, разбор инцидентов, связанных с распитием спиртных напитков. Происходило это следующим образом: вызывается солдат из строя на середину плаца, и ему командир части задает риторический вопрос: «Что послужило поводом для пьянства?». Ответы стандартные, перечисленные выше. Однако в этот раз все пошло не по сценарию.

Вызывается очередной провинившийся.

– Рядовой Силаев, вас что, девушка бросила? С горя выпили? – привычно спрашивает подполковник Другов.

– Никак нет, просто выпить захотелось, да и случай представился. Перевод из дома пришел к празднику, – лихо отрапортовал рядовой, – что уж тут причину искать! – добавил он обреченно.

Командир аж вздрогнул от неожиданности и такой откровенности. Офицеры замерли в ожидании вердикта. Над строем солдат повисла гнетущая тишина.

Борис Карташов

– Рядового Силаева хвалю за честный ответ и объявляю пять нарядов вне очереди. Остальным по семь суток гауптвахты, командирам рот и взводов делаю замечание за низкую воспитательную работу среди личного состава, – голос подполковника звенел как металл.

– Разойдись!

ПРОНЕСЛО...

Всем известно, что солдатская смекалка всегда помогала в суровой воинской жизни. Будь то служба, отдых или какие-то экстремальные условия.

Сержант Вотюков обладал этим качеством в совершенстве. Он первый освоил отдых под днищем автомашины, имитируя ремонт двигателя или ходовой части. Делал это довольно просто и в тоже время оригинально: стелил под машину бушлат, залазил под нее, привязывал руки к кардану и спокойно засыпал. Если его тревожил офицер, недовольно бурчал, что мешают заниматься ремонтом, тогда как командир роты требует, чтобы радиостанция была через пару часов готова к выезду. Вылазил перепачканный солидолом и грозился пожаловаться капитану. А когда его оставляли в покое, повторял свой трюк.

Его смекалка стала впоследствии легендой, передаваемой солдатами из призыва в призыв...

В предпраздничные дни офицерский состав круглосуточно бдил на предмет приобретения спиртных напитков рядовым и сержантским составом. Он выражался в повальном шмоне личных тумбочек, каптерок, всяких укромных уголков в казарме, столовой и т.д. Кроме того, по приказу командира части резко сокращалось число солдат празднично шатающихся по гарнизону около магазинов. Военный патруль постоянно курсировал по «Шанхаю» – району, где проживало гражданское население и была возможность приобретения самогона или браги. В общем, командование пыталось свести это пагубное деяние к минимуму.

Но сержант Вотюков все-таки умудрился приобрести пару бутылок водки. Однако, подходя к КПП, понял, что тайком пронести не удастся: тут дежурил не только командир роты, но и начальник штаба майор Дубинкин. Выход из создавшегося положения сержант нашел даже быстрее, чем у него созрел окончательно план. Он на ходу сорвал пробки с бутылок, обхватил за горлышко каждую ладонью и бесстрашно двинулся к проходной.

Проходя мимо майора, он сделал вид, что пытается отдать честь офицеру, но поскольку руки были заняты бесценной ношей, повернул голову вправо, как положено в таких случаях, и строевым шагом прошел мимо.

– Что несешь? – строго спросил Дубинкин.

– Водку, товарищ майор, – бодро отрапортовал Вотюков, покрываясь испариной.

– Ну-ну, пошути мне еще, что это? – майор расслабился.

– Дистиллированная вода для аккумуляторов, – сержант продолжал автоматически двигаться в сторону автопарка к радиостанции.

Когда скрылся в кунге, обессилено опустился на топчан.

– Пронесло, – только и вымолвил.

А укромное место, куда была спрятана водка, у него было отменное. Тайник никто не мог обнаружить.

ЕФРЕЙТОР ХАНИН

Уникальной личностью в нашей роте, а может быть, и во всей воинской части, был ефрейтор Арон Меерович Ханин – парень из Самары. Попал он в армию, по его словам, случайно: окончив техникум, поступал в институт – провалил экзамены и загремел на два года служить в далеком Забайкалье. На малой родине осталась семья: мама и папа – инженеры на авиационном заводе – младший брат, тети, дяди – все как у людей.

И служил как все. Вот только интеллигентная и национальная сущность так и перла из Арона, а это не вязалось с армейской действительностью и отношениями между солдатами. Мы, армия рабочих и крестьян, общались с пролетарской простотой, без лишних сантиментов, что никак не мог понять Арон. Например, подходит он к группе ребят и просит у сослуживца:

– Дайте, пожалуйста, мне сигарету, курить очень хочется, – причем слова грассируют и создают комическую ситуацию.

– Слушай, Арон, ты можешь попросить попростому, типа: «Колька, дай закурить».

Ханин соглашается, бодро толкает кулаком Кольку в бок.

– Ну, ты, дай, пожалуйста, закурить, – его выходка и произнесенная как бы невпопад эта фраза вызывает хохот.

Однако парнем он был добрым, контактным, быстро учившимся солдатским наукам. Не раз выручал сослуживцев в сложных ситуациях, когда надо было подтвердить порядочное поведение того или иного солдата.

Начальство почему-то думало, что ефрейтор Ханин, в силу своей интеллигентности и воспитанности не может врать. Арон потом оправдывался:

– Я, сам в тот момент верю, что говорю правду, хотя это не так, вот и доверяют.

Он не мог подтянуться на турнике, выполнить подъем переворотом, пробежать кросс три километра. Зато был незаменим в разрешении конфликтов между солдатами, умел выслушивать и давать дельные советы противоположным сторонам, договариваться с начальством и находить с ним общий язык.

Вместе с тем служба в коллективе воинского братства, хотел он этого или нет, все конкретнее входила в него. Арон научился по необходимости пить спирт, материться, если надо, драться. Становился самостоятельным, немного хитроватым, воспринимающим действительность такой, какая она есть – чернобелосерой со всевозможными оттенками.

Через год службы, а работал он на телеграфе оператором, ему присвоили звание ефрейтора и объявили краткосрочный отпуск на родину. Радости не было предела. С учетом дороги Ханин должен был вернуться через 21 сутки. Мы, коллеги по службе, ждали его с нетерпением, поскольку каждый отпускник обязан был привезти подарки – чего-нибудь домашнего, вкусненького.

Ефрейтор вернулся на трое суток раньше срока. Что случилось? Почему раньше? Расспрашивали мы его. Но Арон загадочно молчал и лишь вечером после отбоя рассказал о своей поездке домой.

– Ну, приехал, радости полон дом. Мама обзвонила всех, папа надел по случаю костюм, младший брат

Борис Карманов

бегал по квартире и показывал всем мой парадный мундир со значками. Накрыли стол, вкуснотищи – не мерено. Только смотрю, мама рюмки ставит 25-граммовые, маленький графинчик с водкой и бутылку вина. А выпить хочется до чертиков. Я на кухню. Там домработница Катя хлопочет. Спрашиваю, где водка? Она глаза округлила, однако подала бутылку. Быстренько наливаю стакан и прикладываюсь. В этот момент заходит мама, увидела меня пьющего водку и бах в обморок, следом папа за сердце схватился. И началось: как это я дошел до такой жизни, надо немедленно лечить от алкоголизма, меня, мол, зомбировали. В общем, я собрался и подался к своей девушке, с которой дружил до армии. Причем отправился без предупреждения. Прихожу. А у нее сидит такой хлипенький «мальчик» в очках и белых носках, помогает ей изучать английский язык. Меня особенно носки возмутили. Мы тут в портянках, а он белые носки напялил. Взял его за воротник пиджачка и выставил на лестничную площадку. Вот так и начался мой отпуск. Я не узнавал прежнюю жизнь, родственники не могли понять меня. Чтобы не доводить все до скандала, собрался и уехал в часть раньше, прихватив, однако несколько жареных курочек и кучу домашних пирожков, которые очень вкусно готовит мама.

Особый восторг у нас вызвала бутылка спирта, которую Арон провез в рукаве шинели.

На дембель мы с Ханиным уезжали вместе. Он заехал ко мне на Урал, погостил дня три. Я проводил его в Самару с мыслью, что вскоре встретимся.

Однако жизнь сложилась по-другому. Нашли мы друг друга через 37 лет в интернете на сайте «Одноклассники». Он живет в Израиле, я в России.

ВРАЧИ ТОЖЕ ЛЮДИ

Младший сержант Серега Верещагин в роте связи был телефонистом. Нет, не тем, что сидел за коммутатором и соединял абонентов, а тем, кто обслуживал телефонные линии: восстанавливал порванные, сломанные или вышедшие из строя столбы, ремонтировал телефоны в квартирах и т.д. Все это давало ему право гулять по гарнизону, где угодно и когда угодно, что позволяло считать службу в армии чуть ли не работой на гражданке. Отсюда знакомств у Сереги было много, что среди офицеров, их жен и прочих гражданских лиц. Частенько он мог появиться в части подшофе, а иногда и на ушах – угощали ведь по-русски, от души, за восстановленную телефонную связь.

Везло Сереге – он ни разу не попался начальству на глаза в непотребном виде, поскольку приходил тогда, когда, как правило, в расположении части офицеров уже не было. Но однажды, видимо, поверив в свою неуязвимость, приперся днем, в разгар рабочего дня. С виду младший сержант был здоровый детина, под два метра ростом, поэтому определить: выпивший он или нет, было трудно. Но, тут, видимо, перебрал, ему стало плохо, и выпитое, и съеденное на халяву полезло наружу. Ароматный запах привлек не только гарнизонных собак, но и проходящего мимо дежурного по части старшего лейтенанта Курского. Увидев солдата, блевавшего на угол казармы, унюхав знакомый запах (офицер сам частенько грешил выпивкой), поинтересовался, где это тот так нажрался.

Борис Карташов

– Кто? Я? – Верещагин вытер лицо рукавом. – Никогда. Это я рыбными консервами отравился в обед. Видимо, были несвежие.

Дежурный по части обалдел от такой наглости, хотя мелькнула мысль, что действительно в обед кормили окунем-терпугом в томатном соусе. Да и рвало сержанта именно этими же отходами. Но сивуха... ее запах он не мог ни с чем спутать. Может быть, он и простил бы сержанта, если бы тот честно все рассказал или, по крайней мере, повел себя не столь нагло.

– Ты что мне заливаешь! – взвился старший лейтенант. – Я что не вижу: ты еле на ногах стоишь!

– Нет, – уперся телефонист, – отравился.

Вокруг уже собрались любопытные. Отступать ни тому, ни другому было некуда.

– Хорошо, – Курский сделал паузу, – пойдешь в медпункт и принесешь справку, что ты трезв.

Сергея не возражал и отправился туда, куда его направили. Через некоторое время он вернулся и торжественно вручил офицеру бумажку, где черным по белому было написано, что алкоголя в крови не обнаружено.

Старлей не верил своим глазам:

– Не может быть. Где взял справку? Небось, спер ее в медпункте. Пойдем снова туда.

В медсанбате их встретила миловидная женщина, представившаяся дежурным врачом.

– Да, действительно, младший сержант отравился рыбными консервами. Ему сделано промывание желудка и сейчас ничего не угрожает, но дежурному по части надо внимательно следить, какими продуктами кормят

солдат, – свою речь лейтенант медицинской службы сопровождала укоризненным взглядом и категоричностью. – Я доложу об инциденте вашему командиру части, – добила она Курского.

А Серега, сделав страдальческое лицо, отправился спать, т.к. ему прописали постельный режим.

На протяжении всей нашей службы старшего лейтенанта подкалывали, как это он опростоволосился, отравившегося консервами не отличил от пьяного вдрызг сержанта. И он периодически приставал к Верещагину.

– Ну, сознайся, ведь ты был пьяный? Я не мог ошибиться. Сивухой перло со всех дыр!

Но последний был непоколебим. Отравился и точка. Так продолжалось до дембеля младшего сержанта. Провожая нас на железнодорожный вокзал (а мы уезжали первой партией), Курский взмолился:

– Серега, сознайся, ведь ты был пьяный? Чего уж там, ты же домой едешь, а то я умом тронусь.

– Эх, лейтенант, – Верещагин панибратски похлопал его по плечу, – ведь врачи тоже люди, им ласка нужна, да и мужик иногда.

С этими словами полез в машину, отвозившую нас далеко от места, где мы провели два незабываемых года. А лейтенант медицинской службы, как признался нам Серега уже в поезде «Пекин – Москва», была его подругой, мечтавшей выйти за него замуж и уехать из этого забытого Богом места.

РОЗЫГРЫШ

Жизнь солдата распланирована различными уставами и внутренними распорядками. Но наш воин не был бы им, если бы и тут не находил место шуткам, приколам, приключениям. Были они и у нас в части. То молодого воина посылали к истребителю-перехватчику пыль убирать с шасси, чтобы тормозил лучше, то искать убежавшую искру из аккумулятора, а то и залезть на крышу казармы и смотреть, откуда придет «дембель».

Но особой любовью пользовались приколы ночью. Стоишь у тумбочки дневальным. Спать хочется, скучно. А на «ближних и дальних приводах» безмятежно отдыхают твои товарищи после ратных трудов. Звонишь. Трубку берет такой же дневальный, как и ты. Строго спрашиваешь, что делает рядовой Иванов? Конечно, спит. Разбуди и пригласи к телефону. Через несколько минут подходит полусонный Иванов, берет трубку. Ты строго так спрашиваешь:

– Спишь?

– Сплю, а в чем дело?

– Просыпайся и иди в туалет. Справишь нужду, помой ноги и продолжай отдыхать.

В ответ слышишь:

– Твою мать, мать, мать...

Смеешься, смотришь на часы. Ура, скоро смена придет. Усталый, но довольный идешь спать. И уже засыпая, невольно думаешь, а ведь тебя тоже могут так же разыграть...

ЧТОБЫ НЕПОВАДНО БЫЛО

Незабвенный рядовой Дмитриев был пойман с тремя бутылками водки, которые он прятал под гимнастеркой, прямо на КПП части. И поймал его не кто иной, как капитан Золотухин, по прозвищу – «Лоб Федорович». То ли Санька был самонадеянный, то ли капитан был бдительный, но факт остается фактом: водка была изъята и предъявлена общественности в лице солдат и сержантов, в данный момент находящихся рядом. А так как капитан любил проявить себя перед народом, то и тут решил провести показательное зрелище.

– Значит так, Дмитриев, бери спиртное и пошли на спортплощадку, будем физкультурой заниматься. Да так, чтобы неповадно было водкой увлекаться.

Ничего не понимающий неудачный выпивоха, собрав бутылки в охапку, поплелся за офицером на спортплощадку, состоящую из турника, брусьев, каната и щитов с кольцами для баскетбола. Капитан отмерил 10 шагов и приказал Дмитриеву:

– Бери бутылку с водкой и бросай ее в щит, да так, чтобы она разбилась. Смотри! – И он с размаху запустил одну из них в щит. Осколки стекла и запах спиртного тут же распространились по округе.

– Давай, теперь ты, – «Лоб Федорович» самодовольно хмыкнул, – не стесняйся.

Санька взял бутылку, размахнулся и бросил ее в щит. Та не долетев до цели, упала на землю, не разбилась.

– Ты чего, сил что ли нет или водку жалко?

– Конечно, жалко, – Дмитриев исподлобья взглянул на Золотухина.

Борис Карташов

– Давай, подбери и кидай снова.

Солдат поплелся за бутылкой и когда взял ее в руки, вдруг резко сорвал пробку и стал большими глотками поглощать содержимое. «Лоб Федорович» оторопело смотрел на Саньку опустошавшего бутылку. Пока он соображал, Дмитриев допил водку и под хохот собравшихся подбежал к третьей бутылке и метнул ее в щит. Та разлетелась вдребезги.

– А это, чтобы вам не досталось, – пьяно захохотал он.

Семь суток гауптвахты от имени командира части он отсидел полностью. Работал на строительстве капо-ниров. Только над капитаном все посмеивались – опять «Лоб Федорович» отличился. «Чтобы неповадно было», – передразнивали его сослуживцы. А солдаты одобряли поступок Дмитриева: зачем национальный русский напиток уничтожать таким варварским способом.

БЕЛЬЕВЫЕ ВШИ

Вы видели бельевых вшей? Я с ними познакомился на первом году службы. То ли от элементарного несоблюдения личной гигиены. То ли оттого, что нижнее белье было некачественно постирано, или еще по какой причине, но все мы (около 30 человек), жившие на КП авиационного полка в небольшом помещении, стали находить в швах кальсон и нижних рубашках этих насекомых. Причем с каждым днем их становилось все больше.

Чесались все. Вскоре стало невмоготу. Решили с ними бороться. Но как? Кто-то предложил провести ревизию одежды. Поочередно раздевались догола, внимательно осматривая кальсоны, трусы, майки. В швах находили невероятное количество этих тварей. Вначале уничтожали их физически: брали спичку и проводили по шву майки – вырастала кучка. Но гнид уничтожать было сложнее. И тогда кто-то предложил замачивать все белье в авиационном керосине (благо у нас его было несколько бочек). Сказано-сделано. Сложили в бочки и залили керосином. Сами же срочно пошли в баню – она сделана на деревенский лад и была гордостью нашего полка.

В бане кто-то обнаружил вшу на себе в промежности. Тут же возникла идея: после помывки смазать все интимные места керосином.

Та часть солдат, у кого обнаружили на теле паразиты, согласилась. Керосина не жалели. Через несколько часов появились первые признаки лечения. Смазанные части тела покраснели, и с них кожа слезила кусками. Затем появились опухоли. Тут-то мы перепугались. Позвонили в санчасть, там работал наш однопризывник санитаром, рассказали все. Он вначале хохотал долго, затем серьезно заметил, что если бы обратились чуть

Борис Карташов

позже – быть беде. Какой? Он не уточнил, но и так было ясно. Земляк срочно привез нам мазь и велел мазаться ей утром, в обед и перед сном.

В общем, все обошлось. Позже вспоминали с юмором о том, кто и как реагировал на эту напасть. А вши исчезли, кстати, размером они в три-четыре раза больше обычных и цвет у них был коричневый.

СТРАШНОЕ НАКАЗАНИЕ

Перед моим дембелем в часть привезли молодых солдат из Якутии. Ребята все говорили по-русски и имели русские фамилии. Среди них выделялся рядовой Михайлов, коренастый, с типично раскосыми глазами и вечно улыбающийся. Он был сыном председателя оленеводческого совхоза, уважаемый в своих местах человека. Мог бы закосить от службы, но как рассказывал сам солдат, пошел служить сознательно и с охотой.

– Отец хотел женить, давал родственникам будущей жены 500 оленей (своих или совхозных, не уточнил). Вот я и попросился в армию.

Михайлов всегда улыбался и ко всему относился легко и с юмором. Однажды у него загноился указательный палец. Его послали в санчасть, но он проигнорировал этот приказ, прокомментировав:

– Хуйна, пройдет...

Опухоль все не проходила, и когда стало терпеть невмоготу, все-таки отправился в санчасть. Там одну фалангу ампутировали. Спустя время, колупая обрубком пальца в носу, Михайлов философски заметил:

– Мне и остальных пальцев хватает, а этот хуйна, обойдемся без него.

Но был у рядового один бзик. Не любил умываться, тем более, ходить в баню. Готов был три раза на день перешивать подворотнички, но помыть с мылом шею для него было слишком. За это его регулярно наказывали, но ничего поделать не могли. Ходил грязный. Однажды Михайлов провинился очередной раз по службе, и старшина роты придумал ему страшное наказание:

Борис Карташов

– Пойдешь со мной в баню.

Как ни уговаривал якут старшину, ничего не вышло. В баню шел, как на эшафот. Пока сержант раздевался в предбаннике, якут быстро заскочил в мойку, окатился холодной водой из ковшика и метнулся обратно. Старшина роты обалдел:

– Ты что, уже помылся?

– Так точно!

– Нет, так дело не пойдет, – уперся тот и потащил солдата в парилку. Буквально через минуту Михайлов потерял сознание. Вот тут до старшины дошло, что он сделал что-то не так. Вытащил на воздух, сунул под нос нашатырный спирт. Якут медленно приходил в себя. Его трясло и тошнило. Старшина, приказав ему строго - на строго забыть об этом инциденте, освободив от нарядов на целую неделю.

Позже узнали, что баня для потомственного якута неприемлема. Образ жизни другой.

СЛУЖУ РАДИСТОМ В АВИАЦИИ

В наряд на кухню мы ходили, переодевшись в старое обмундирование, которое валялось в темнушке, в столовой. Оно состояло из рваных гимнастеров, галифе, непонятного цвета фартуков, которые никто и никогда не стирал. Причем гимнастерки были или без погон или с одним погоном, или разного цвета. Такая гимнастерка и досталась рядовому Кайдалову: один погон был черный, относящийся к радиолокационным войскам, другой – голубой, который носили военные авиаторы.

...Бегают он по кухне, выполняя служебные обязанности, и вдруг натывается на комиссию, которая регулярно проверяла соблюдение санитарных норм при приготовлении пищи. Старший комиссии – майор, остановил солдата и, показывая на погоны, спросил:

– Ты, в каких войсках служишь, воин?

Кайдалов не растерялся:

– Радистом в авиации, – и для убедительности, похлопал ладонью сначала по черному, затем по голубому погону.

– Хвалю за находчивость, – захохотал майор.

А то, что обмундирование залоснилось от грязи, не заметил. Вот такая была комиссия.

ДЕМБЕЛЬСКАЯ ЭКСПРОПРИАЦИЯ

Рота охраны полка, как правило, комплектовалась из республик Средней Азии, туркменов, таджиков, узбеков и т.д. Доставляли их в традиционных национальных одеждах: ватных халатах, тюбетейках. Им, конечно, предлагали после переодевания в солдатскую форму отсылать гражданскую одежду домой, но соглашались на это редко – хлопотно было.

Очередной призыв туркменов в наш полк состоялся весной. Человек сорок молодых парней в халатах толпились у входа в баню, где им объяснили (а понимали они по-русски с трудом), что гражданскую одежду надо сложить в углу, а после помывки переодеться в солдатскую форму. Помылись. И... туркмены громко залопотали на своем языке, размахивая руками. По интонации было ясно, что они чем-то возмущены. Сержант, пытаясь что-то понять, беспомощно разводил руками.

Повели новобранцев в казарму, вызвали офицера. По мере того, как капитан вникал в суть проблемы, его глаза округлялись, пока не стали по диаметру с юбилейную медаль. Оказывается, еще на призывном пункте будущим солдатам из Туркмении кто-то по секрету сообщил, что если предложить командиру части, где они будут служить, по три тысячи рублей (стоимость «Запорожца»), то последний их отпустит домой, вернув им военные билеты со всеми отметками о прохождении военной службы. Они и воспользовались этим советом, прихватив с собой необходимые суммы, предварительно зашив деньги в ватные халаты.

Как об этом узнали дембеля одному богу известно. Но узнали и провели экспроприацию, пока туркмены были в мойке. Об этом, конечно, официально никто не говорил, но знал весь полк. Это было ЧП. Но наши командиры вышли из щекотливой ситуации с блеском: когда им стали жаловаться на пропажу денег, поинтересовались суммами. Услышав о трех тысячах рублей, зашитых в одном только халате, замахали руками: опомнитесь, это ведь годовая зарплата офицера. Откуда у бедного туркмена такие деньги? В общем, сочли, что солдаты просто врут.

По слухам, перед отправкой домой, отслуживших свой срок дембелей, «шмонали» по всем правилам, но ничего не нашли.

ДЕФИЦИТНЫЙ КАРБЮРАТОР

Ефрейтор Яковлев служил в автопарке – возил на автомашине замполита, майора Тумарова. Служба не пыльная, даже престижная, ни тебе подъема, ни отбоя, ни нарядов. В общем, почти гражданка. Все было бы хорошо, но вот поехать в отпуск на малую родину все как-то не получалось. И не потому, что ефрейтор службу нес небрежно. Просто, как говорил майор, время еще не пришло.

Готовя автомашину в очередную поездку, Яковлев пожаловался сослуживцу по автопарку на свою проблему. Тот посоветовал: а ты сломай машину и отремонтируй ее подольше. Майору надоест ходить пешком, вот тут заключи с ним договор. Ты находишь нужную деталь, а он отпускает тебя в отпуск.

И тут как специально полетел карбюратор – запчасть, считавшаяся дефицитом. Машина простаивала уже неделю. Семь дней майор искал злополучную деталь, но тщетно. Наконец, не выдержал и в сердцах сказал:

– Ну что, Яковлев, не можешь добыть карбюратор? Найдешь – поедешь в отпуск!

Ефрейтор тут же помчался в гараж.

– Ребята, выручайте, – взмолился он.

Однако лишнего ни у кого не было. И тут солдата осенило.

– Слушай, – обратился он к коллеге, который возил командира части, – одолжи карбюратор, съезжу в отпуск, верну. Твоему шефу надоест пешком ходить, а тут

ты запчасть находишь. Он на радостях тебя тоже в отпуск отпустит.

В общем, так все и случилось. Карбюратор переключивал из машины в машину: шофера регулярно отправлялись в отпуск. Лафа кончилась, когда офицеры поделились друг с другом тем, что в машинах стали барахлить карбюраторы. Уловка была раскрыта, но наказание никто не понес. Все-таки солдаты проявили находчивость, да и служили они добросовестно и честно.

САМОВОЛКА

Самоволки в нашей части не практиковались. Нет, конечно, то один, то другой солдат бегали в «шанхай», район, где жили гражданские, за самогоном или к девчатам, но это скорее было исключение, чем правило.

Однако мысль о самоволке будоражила солдат. И каждый мечтал хоть раз сходить в самоход. Такой случай выпал и мне на первом году службы.

Каждое лето в казарме производили косметический ремонт помещений. На это время (5–6 дней) кровати выносили на спортплощадку, и там солдаты спали. Как-то после отбоя, лежа в кровати, сержант Вотяков, зная, что я недавно получил перевод, предложил сходить в «шанхай» за самогоном.

Надо отметить, что ночи в Забайкалье очень темные – в метре лица не видно. Причем темнело моментально. В общем, тихонько выбрались через заборчик (благо, не было дневального по части, который должен караулить наш сон у тумбочки) и подались в поселок. Но как-то не сложилось: самогонки не достали, пришлось возвращаться на спортплощадку. Подошли к заборчику и перед тем, как лечь спать, решили справить малую нужду. Пристроились, делаем свое дело, и тут замечаю, что рядом стоит третий и делает то же самое. Пригляделся и обалдел – дежурный по роте лейтенант Жолобов. Перемахнув через препятствие, раздеваюсь на ходу и ныряю в кровать. Через какое-то время подходит лейтенант, трясет за плечо:

– Ты сейчас у забора был?

– У какого забора?

Борис Кармаев

– Да как же, рядом же оправлялись...

– Причудилось вам, товарищ лейтенант, – я чуть не давился от смеха, – как я могу быть там, когда я здесь.

Чувствуя, что происходит нечто непонятное, лейтенант медленно пошел прочь, видимо, думая, что у него начались глюки.

ЛАПШИ НЕ ХВАТИЛО

Очередной призыв в нашу часть прибыл из Саранска. Это были деревенские, простоватые ребята, многие впервые покинули отчий дом. Среди них неожиданной худобой выделялся рядовой Иванов, который постоянно что-то жевал. Когда его спрашивали, в чем дело, он, смущаясь, говорил, что постоянно хочет есть. Из-за этого над ним подшучивали регулярно.

...Обеденные столы в солдатской столовой накрывались на десять человек. В этот день в меню были щи и макароны по-флотски. По сложившейся в армии традиции, как обычно, вначале себе накладывали дембеля, затем те, кто прослужил более года, в последнюю очередь – молодежь нового призыва. Нет, конечно, никто не объедал салаг, всем доставалось поровну, но субординацию соблюдали неукоснительно.

Обедаем. Я – старший стола, отвечающий за порядок при приеме пищи. Вдруг подходит замполит майор Тумаров, интересуется, вкусна ли пища, всем ли хватает порций? Все утвердительно кивают головами. И вдруг, как гром среди ясного дня, рядовой Иванов:

– Мне лапши мало досталось.

Замполит вне себя от возмущения: как это получилось, что молодой солдат остался голодный! Почему не хватило второго и т. д. Я пулей лечу к окну выдачи пищи, хватаю еще одну кастрюлю с макаронами и под бдительным оком майора накладываю полную тарелку Иванову. Замполит произносит речь о том, что старослужащий должен сам голодать, а молодого накормить досыта, и приглашает меня вечером к себе в кабинет для

продолжения беседы. Когда офицер ушел, я, злой, как собака, посоветовал жалобщику сейчас же съесть все, что было в кастрюле (а там 10 порций). Каково же было мое изумление, когда через полчаса емкость опустела.

– Ты что, действительно такой голодный?

Солдат виновато опустил голову. Пришлось отпустить его, безнадежно махнув рукой.

А на вечерней поверке старшина роты, которому я рассказал об инциденте в столовой, заставил нашего героя вывернуть карманы: из них посыпались куски хлеба.

ПОСЛЕДНИЙ «АККОРД»

Рядовой Дмитриев, прослужив два года и принося периодически своим командирам всякие неприятности, должен был уволен в запас. Одну такую каверзу преподнес он и напоследок. Дело в том, что в Советской Армии была традиция: дембеля перед увольнением брались выполнить какую-нибудь хозяйственную работу. Причем срок увольнения напрямую зависел от темпов произведенной работы. А поскольку Дмитриеву увольнение в запас маячило в самую последнюю очередь, то он готов был взяться за любое дело. Вскоре случай представился. Начальник штаба объявил, если кто возьмется за строительство нового здания КПП в автопарке и построит коробку здания, тут же отправится домой. Беда лишь в том, что пиломатериалов для строительства было недостаточно.

Однако Дмитриева это не смутило. Он сколотил бригаду, которая немедленно приступила к делу, залили фундамент (благо цемента и песка было много). Строители выпросили бортовую машину у зампотеха и подались в забайкальскую степь в неизвестном направлении. Наутро вернулись груженые досками и бревнами. Когда их спросили: «Откуда дровишки?» – туманно ответили, что обнаружили в степи бесхозное строение, разобрали его и привезли. Командиры, конечно, удивились, но не стали вдаваться в подробности – главное, есть из чего строить. Бригада под предводительством Дмитриева ударно трудилась пару дней, пока не вывела коробку под крышу. Все уже мысленно были дома, «аккорд» подходил к концу.

Борис Карташов

Начштаба сдержал слово – на следующий день все уехали на гражданку.

А еще через день у него в кабинете объявились буряты-чабаны, которые с возмущением рассказали о том, что совсем недавно какие-то нехорошие люди разобрали их кошару на дальнем пастбище и увезли в неизвестном направлении. Люди видели, что это были солдаты. Какие контраргументы приводил начальник штаба неизвестно: то ли намекнул, что воинских частей в гарнизоне много, то ли пообещал чабанам что-то взамен, но те тихо уехали.

КПП вскоре достроили, но рядового Дмитриева вспоминали долго, особенно, начштаба.

Борис Карманов

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Этот военный марш всегда звучал в самые ответственные и переломные моменты в моей жизни.

...3 мая 1970 года, город Асино Томской области. Нас двенадцать человек, стоим на железнодорожном вокзале с группой таких же, как я, молодых ребят и ждем отправки состава, который увезет нас в новую жизнь под названием служба в Советской Армии. Стоим возбужденные, полные решимости, в окружении родственников и знакомых. Пьяные улыбки друзей, советы, которые никто не слушает, шум, гам. Команда:

– Всем в вагон!

Заходим. Поезд трогается, и вдруг на перроне раздается музыка. Играют марш «Прощание славянки». Лица моих товарищей стали какие-то беспомощные, глаза налились влагой. Все затихли, глядя в окна. Вдруг из толпы провожающих выскочила молодая девушка и, крича: «Я буду ждать тебя», – побежала вслед за вагоном. Поезд набирал ход, и как только не стало видно перрона, умолкла и музыка. Все засуетились, заговорили, но еще долго в вагоне была какая-то неловкость. Так наступил новый этап в моей жизни.

...Забайкалье. 9 мая 1970 год. Наш воинский эшелон прибыл в старинный город Читы. Сопровождающий группу призывников сержант Зайцев нас построил в некое подобие строя и объявил:

– Ребята, у вас осталось 15 часов гражданской жизни. Советую их провести с толком, чувством, чтобы потом вспоминали все два года службы хорошим словом. Только не наглейте и не хулиганьте, меня подставите.

Подставить сержанта Зайцева, ставшим нам за

семь суток езды в воинском эшелоне роднее брата, мы не могли. Поэтому, сбросившись в общий котел, у кого, сколько было дензнаков и закупив необходимое количество спиртного и закуски, мы уединились в скверике недалеко от вокзала. Гуляли с размахом, но относительно тихо. Песни типа «Я тебя не виню, нелегко ждать два года солдата» исполняли вполголоса, выяснений отношений типа «ты меня уважаешь» не было. Поэтому к отправке поезда, следовавшего до станции назначения, мы были адекватны и в меру серьезны.

В конечный пункт прибыли в три часа ночи. Темно, хоть глаз выколи. И много, много огней. Казалось, мы попали в какой-то большой город с миллионным населением. Долго шли по дороге. Наконец-то казарма. Встретил нас дежурный по роте, который отвел спать в какое-то помещение.

Утром вывели на плац. Вокруг бескрайняя забайкальская степь, совершенно чужая и, казалось, опасная.

– А где же город с огнями? – мелькнула мысль. Ее тут же перебила другая:: – Ну, побаловались, пора и честь знать, вернее, пора домой дергать, нечего тут делать.

Огляделся. Батюшки, это куда же меня черт забросил. Вот тогда-то стал понимать, что это всерьез и надолго.

Прошел месяц службы в армии. Точнее, закончился курс молодого бойца. Стоим шеренгой, принимаем воинскую присягу. Все предельно серьезно и торжественно. За столом руководство воинской части. Рядом знамя части, охраняемое почетным караулом. Лица солдат непроницаемы и значимы. Один за другим подходим строевым шагом к столу и произносим воинскую

Борис Карманов

клятву на верность Родине, своему народу.

– Торжественно клянусь!

По телу пробегает еле заметная дрожь. Последний, уже настоящий солдат, возвращается в строй. И вдруг репродуктор взрывается «Прощанием славянки». Марш звучит по всему гарнизону и, кажется, заканчивается где-то далеко в степи среди моря цветов, которыми богата ранним летом забайкальская степь. Мы взволнованы. Команда «Разойдись».

...11 мая 1972 года. Позади два года службы на благо Отчизны.хлопоты с обходным листом, получение денежного довольствия на дорогу домой, состоящего из месячного оклада и министерских десяти рублей, оформление дембельского чемоданчика (особый разговор), который готовился последние три месяца.

Прощальное торжественное построение, речь командира о том, какие мы хорошие солдаты, что на нас держатся все Вооруженные Силы страны, что служба пригодится на гражданке, вручение проездных документов. Объявляется посадка в автобус, и вновь неожиданно оживает марш «Прощание славянки». Дрогнули губы дембелей, опять повлажнели глаза. Объявлять с сослуживцами, обещание писать, дорожная пыль за автобусом, и где-то там, за ней звучит торжественная музыка, которой уже более полсотни лет. Столько она встречает и провожает солдат, сопровождает их в походах...

«Прощание славянки» это Россия, Родина, мой кусочек сердца.

Сейчас, когда слышу эту музыку, у меня всегда хорошее торжественно - патриотическое настроение. В такой момент мне кажется, что я всех люблю, и все любят меня.

Содержание

<i>Из недавнего прошлого нашей страны</i>	8
<i>Два солдата – одна советская семья</i>	9
<i>Вечером...</i>	14
<i>Нет в России семьи такой, чтоб не памятен был свой герой</i>	17
<i>Как провожали на фронт</i>	18
<i>Схрон</i>	20
<i>Первая награда</i>	23
<i>Обед на передовую</i>	25
<i>Спирт помог</i>	27
<i>Заградотряд</i>	29
<i>Одна ложка на двоих</i>	31
<i>Баня</i>	33
<i>Когда не стреляют в спину</i>	36
<i>«Склонен к побегу»</i>	47
<i>Сын полка</i>	50
<i>День Победы</i>	52
<i>Банкет</i>	54
<i>«Рус Иван»</i>	56
<i>Труженник тыла</i>	58
<i>Картинки прошлого</i>	62
<i>Шесть часов оккупации</i>	66
<i>Необычная встреча</i>	68
<i>На вокзале</i>	72
<i>Война прошла сквозь наши души</i>	75
<i>Георгиевский кавалер</i>	80
<i>Война, которой, как бы, не было</i>	82

<i>Неотправленное письмо</i>	83
<i>И был Афган</i>	86
<i>Теперь облака между нами</i>	87
<i>Честь и совесть капитана Головина</i>	89
<i>Судьба...</i>	94
<i>И была Чечня</i>	96
<i>Кружка</i>	97
<i>Медаль</i>	100
<i>Кукла Барби</i>	103
<i>Дезертир</i>	106
<i>От станции Безречная Москвы не видать</i>	112
<i>«Бой ... в любую минуту</i>	113
<i>«Дмитриев на проводе»</i>	114
<i>Нарушитель границы</i>	116
<i>«Ой цветет калина...»</i>	117
<i>«Маша»</i>	118
<i>Иван Епифанович</i>	119
<i>Замполит – майор Тумаров</i>	122
<i>«Лоб Федорович»</i>	124
<i>Хвалю за честность</i>	126
<i>Пронесло</i>	128
<i>Ефрейтор Ханин</i>	130
<i>Врачи тоже люди</i>	133
<i>Розыгрыш</i>	136
<i>Чтобы неповадно было</i>	137
<i>Бельевые вши</i>	139
<i>Страшное наказание</i>	141
<i>Служу радистом в авиации</i>	143
<i>Дембельская экспроприация</i>	144

<i>Дефицитный карбюратор</i>	146
<i>Самоволка</i>	148
<i>Лапши не хватило</i>	150
<i>Последний аккорд</i>	152
<i>Прощание славянки</i>	154

16+

Литературно-художественное издание

Борис Карташов

Между облака между нами

Рассказы, очерки, миниатюры

Печатается с оригинал-макета, предоставленного автором

Редактор: Г. Беловол

Компьютерная верстка: Е. Мозоленко

Дизайн обложки: Е. Мозоленко

Подписано в печать 11.03.2014

Формат 60x90/16

Бумага офсетная

Тираж 150 экз.

ООО «Авторская книга»

Москва, ул. Большая Никитская, д.50/5

Тел.: +7 (495) 215-14-25

www.izdat.ru

160-00

092722015

Государственная библиотека Югры

Борис Карташов

родился в поселке Печеневка, Свердловской области. Окончил лесотехнический техникум, Высшую партийную школу при ЦК КПСС - факультет журналистики. Служил в рядах Советской армии, работал в леспромхозах, районной газете, на строительстве газопровода Уренгой-Помары-Ужгород, директором типографии.

Автор книг «220-ый квартал», «Историю не переделывать», «Разорванная память», «Мне дороги эти имена», «У берегов овечки и турпана», «История продолжается, традиции остаются».

АВТОРСКАЯ КНИГА

